

ГАЛИЯ МАВЛЮТОВА

МОЯ ЕВРЕЙСКАЯ БАБУШКА

р а с с к а з ы

Галия Сергеевна Мавлютова

Моя еврейская бабушка (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961895

Моя еврейская бабушка: Алетейя; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-90670-569-3

Аннотация

Галия Мавлютова – петербургский писатель, журналист, член Союза российских писателей, член Литфонда России. По основной специальности – юрист. Работала старшим воспитателем, инспектором по делам несовершеннолетних, старшим оперуполномоченным уголовного розыска, старшим инспектором по особым поручениям. Подполковник милиции. В настоящее время вышла на пенсию по выслуге лет. За период службы в органах внутренних дел многократно награждена престижными российскими и международными наградами, в том числе премией «За активную борьбу с наркоманией и наркобизнесом» и национальной полицейской премией Канады. Член Международной Ассоциации женщин-полицейских. Автор почти трех десятков книг, вышедших в крупных российских издательствах.

Содержание

Моя еврейская бабушка	5
А был ли мальчик то?	5
Живая мишень	7
Мальцевский рынок	15
Ошибка природы	19
Утраченные иллюзии	28
Золотая зажигалка	38
Диван	41
Дамские шалости	49
Золотое колечко	54
Назвался груздем? Полежай в кузов	58
Русская рулетка	63
Выхода нет	68
Новогод	74
Секреты Агеевны, или как отвадить от дома разлучницу	80
Странная свадьба	98
Дежавю без криминала	103
Золотая трубочка	121
Золотой унитаз	125
Крыть нечем	128
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Галия Мавлютова

Моя еврейская бабушка

© Г.С. Мавлютова, 2015

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2015

Моя еврейская бабушка

А был ли мальчик то?

Эту историю мне рассказал один военспец, а ему в свою очередь поведал ее такой же военный специалист из Приморского края. Есть там небольшой городок, в котором однажды случилось изнасилование. Органы отреагировали незамедлительно, и, создав оперативно-следственную бригаду, всем скопом бросились искать мерзавца. Раньше изнасилование считалось тяжким преступлением, поэтому над раскрытием преступления работала вся милиция, кучно бежали по чердакам и подвалам, так же кучно сидели в засадах, караулили у подъездов. Любое преступление можно раскрыть, если по нему будут работать сотрудники всех служб и подразделений в одной, так сказать, упряжке. В оперативно-следственную бригаду входили следователь прокуратуры, оперативники, кинолог, участковые инспекторы, стажеры и отряд из местных активистов, что вроде добровольной народной дружины. Сотрудники бригады прочесывали квартал за кварталом, пока одна из вездесущих старушек не подсказала, что насильник прячется где-то совсем рядом.

Оперативники поспешили в указанный двор и увидели потрясающее зрелище! На земле полусидела, полулежала

женщина-следователь в беспомощном состоянии. Пока бригада носилась по кварталу, преступник выскочил из кустов, быстренько изнасиловал следовательницу – и был таков!

Вид у юной следовательницы был довольно помятый и потрепанный, и к тому же несчастный. Оперативники бросились приводить в порядок обиженную женщину, оказав ей первую помощь и быстренько записав показания, они затем препроводили ее в больницу.

К сожалению, я забыла спросить военспеца, что же случилось потом – нашли преступника или нет? Прошло много лет, а я все думаю, а где насильник-то? Насильник-то где?

Санкт-Петербург, Россия, 2002 год

Живая мишень

Давно это было, лет пятнадцать назад. Много это или мало? Один господь знает. Вообще-то, пятнадцать лет – целая жизнь, эпоха, так сказать. За такой промежуток многое может измениться – строй, страна, нация. Только человек не меняется, он по-прежнему остается слабым и одиноким. В душе, разумеется...

В то время я работала в уголовном розыске простым оперативником в звании капитана милиции. Женщин в те годы в эту суровую службу не принимали и правильно делали, кстати. В связи с этим никаких послаблений по службе мне не полагалось, приходилось вкалывать в три раза больше, чем мужчинам-оперативникам. Я пробовала наравне с ними – не вышло, поэтому вынуждена была работать лучше, чем мужчины. Из-за этого моя жизнь напоминала вечные гонки, я все боялась куда-то не успеть, опоздать, куда-то торопилась, вид у меня был, как у взмыленной лошади. Если бы знать, что когда-нибудь настанет момент, и я все-таки обгоню жизнь, вероятно, не торопилась бы так, рискуя подчас не только своей, но и чужими жизнями.

Мой тайный осведомитель, надежный и верный, как маяк «Толбухин», как-то уведомил меня по телефону, что в одной из квартир в Московском районе находится преступник, несколько лет числившийся во всесоюзном розыске. Инфор-

мация была достаточно ценной, осведомитель – проверенный, и я вышла в коридор, надеясь уговорить своего напарника «съездить в адресок». Напарник у меня был хороший, тоже проверенный, сейчас он работает то ли депутатом Сейма, то ли полицейским аж в самой Финляндии.

– Валера, выручи меня... – Я жалобно заныла, не забывая при этом жеманно хлопать глазками. В нашем деле отлично помогает.

– Сергевна, а чо надо? – поинтересовался Валера, озабоченный какими-то своими тревогами. Наивный, он даже не догадывался, на какую авантюру я его подбиваю.

– Да, подстраховать меня нужно «в адресе». Там прячется один мордоворот, он в розыске еще со времен царя Гороха. Сам понимаешь, квартал заканчивается, мне показатели нужны. А тут такая пруха пошла! Сидит в квартире, один, в депрессии, к тому же числится в розыске. Бери – не хочу! Сам в руки просится, поехали со мной, а?

Я встала на цыпочки, чтобы Валера увидел мольбу в моих глазах. Сработало!

– Сергевна, бандитов никогда мало не бывает! – наставительно произнес Валера, и мы помчались в Московский район.

С нами был водитель, кажется, его звали Сашей, молодой и шустрый паренек лет двадцати. Мы довольно быстро нашли нужный дом, подъезд, квартиру. Дом сталинской постройки, двери тогда еще умели делать, и даже доски со

стройки не воровали. Я потрогала дверь: ничего такая дверь, явно дубовая, и нежно приникла к ней ухом, а там тишина, гробовая тишина!

– Сергевна, звони! – приказал Валера, нервно перебирая ногами, он явно куда-то спешил. – А то мы с женой едем за холодильником. Понимаешь, очередь подошла. Три года стояли, тесть-ветеран на очередь имеет право.

– Повезло-оо тебе с тестем-ветераном, – заныла я, – а мои родители давно умерли, хотя тоже были ветераны. Мне теперь что – без холодильника пропадать?

– Пропадай на здоровье, а у нас уже третий, – не преминул похвастать тестевыми достижениями напарник. – Звони, а то опоздаю за холодильником!

Я в сердцах утопила кнопку звонка. Упоминание о холодильнике окончательно испортило настроение, поэтому я давила кнопку, как таракана, заодно наслаждаясь оглушительной музыкой, там, за дубовой дверью.

Кроме оглушительной авангардной музыки из-за двери не доносилось никаких признаков жизни. Мы молчали, в такой момент лучше всем молчать, концентрация сил и нервов, так сказать. Даже шептаться нельзя, ни в коем случае, все монологи и диалоги ведутся путем эксплуатации органов зрения. В самый разгар дикой симфонии дверь неожиданно распахнулась, меня схватили и втащили в квартиру. За спиной раздался гулкий удар.

«Дверь захлопнулась», – запоздало догадалась я.

Через несколько мгновений я потрясла головой и пришла в себя. Мне удалось – с трудом – устоять на ногах, но то, что я увидела перед собой едва вновь не повлекло потерю самообладания и устойчивости. А увидела я вот что.

Передо мной стояли шестеро молодцев, такие бравые ребята лет под тридцать, бритые, одетые в черные рубашки и черные джинсы. Кстати, в те времена эта униформа еще не имела хождения в бандитских кругах. Мода на «черное» пришла значительно позднее, черти бы ее побрали! От неожиданности и от большого количества бритых голов я несколько опешила и впала в ступор. Впрочем, ступор был каким-то диффузным, дело в том, что перед моим носом торчал ствол пистолета, и я умудрилась разглядеть блеск ствола. «А из пистолета не стреляли еще. Ствол чистый, как намытый!» Я подавила безнадежный вздох. Непристрелянный пистолет не числится в милицейских учетах. Если они меня убьют, их не найдут никогда. Положение было паршивое. Выходной день, Валера на лестнице, я – в квартире под стволом пистолета. Ощущений никаких, кроме острого желания стать маленькой мышкой и юркнуть куда-нибудь в дырочку на полу или вообще дематериализоваться. Или сделать шаг в сторону, упасть, в конце концов, на пол, но ни того, ни другого, ни третьего сделать было невозможно. Когда мне рассказывают страшилки из области экстремальных ситуаций, и, брызжа набегающей слюной говорят, что, мол, вся жизнь, начиная от рождения промелькнула перед глазами. Я

не верю! И вы не верьте! Не может вся жизнь промелькнуть в один миг! Это выдумки воспаленного воображения...

Я смотрела вглубь вычищенного до блеска ствола. «Где же бандиты взяли машинное масло для чистки пистолета»? Других мыслей у меня почему-то не было. Помню еще, что я довольно уныло переминалась с ноги на ногу, словно старалась освободиться от неприятного круглого оружейного глаза. Впервые я видела Макарова с той, с вражеской стороны, и потому милый и безобидный, почти родной пистолет превратился в смертельного врага. «Интересно бы знать, у Валеры есть оружие? Вряд ли, он же за холодильником собрался».

Я вновь подавила вздох и поглядела на парня, целившегося прямо мне в лоб, тут же поняла, что допускаю ошибку, медленно поползла взглядом по щеке парня и уставилась в простенок. В глазах парня было безумие, то самое безумие, заставляющее выстрелить в стоящего перед тобой. Тепло тела, передающееся через палец, плавно перетекающее в жесткий металл, трансформируется в спонтанное желание нажать на спусковой крючок. Ощущение силы, (ведь в руках смертоносное оружие, ты сильный и недосягаемый), заставляет убивать себе подобного, слабого и беззащитного. «Ружье должно выстрелить!» Вспомнилась сакраментальная фраза, произнесенная когда-то великим русским интеллигентом. И тогда я шагнула вперед и властно взялась за ствол. Пистолет не дрогнул.

– Сейчас от тебя живого места не останется, м...к!

Бранное слово произнесла смачно и со вкусом, словно со сцены БДТ.

Сквозь пелену эмоций я почувствовала, как ствол плавно поплыл вниз. Я сняла руку с пистолета и шагнула сквозь молодецкий ряд на кухню. Почему-то меня больше не волновало безумие в глазах бандита, его пистолет, смазанный машинным маслом ствол и прочие мелочи. Я увидела на кухонном столе целый ковшик с «марцефалем». Это такая наркотическая жидкость, горячо любимая когда-то питерскими наркоманами, она производилась ручным способом посредством перегонки из лекарства от кашля «солутан». Сначала из «солутана» получался эфедрин, а уже после эфедрон, тот самый знаменитый «джеф». Его потребляли для придания эмоциям наибольшей страстности, «марцефаль» придавал остроты в момент сексуальных утех. Ковшик на столе был девственно не тронут, бандиты еще не приступили к дегустации. Звонок в дверь вспугнул их. Авангардная музыка дверного звонка моего собственного сочинения помешала.

Я прижала ковшик к груди, как нечто бесценное и хрупкое, и вернулась в коридор; медленно, боясь расплескать содержимое посуды, прошла мимо изумленных бандитов к дубовой двери и открыла защелку. Валера был не один, к нему на подмогу прибежал снизу водитель. Увидев меня, они с криками «банзай», «стоять», «милиция», «гады», ворвались в квартиру. Я успела прижаться к стене, опять-та-

ки, боясь расплескать бесценное содержимое. Не знаю, как сейчас, но тогда для возбуждения уголовного дела требовался лишь крохотный миллилитр эфедрона, а в моем ковшике его было больше литра. Это была крупная удача, изъятие наркотических средств в крупных размерах. Валера и Саша успешно разделились с моими обидчиками, они надели наручники на бандитов, вышибли из рук «безумного» пистолет, положили всех на пол, а я в это время все прижимала к груди оловянный ковшик. Очнулась я от шепота Валеры:

– Сергевна, отдай ковшик-то, понятые пришли.

И мне пришлось расстаться с драгоценной ношей.

Валера и Саша скрыли от руководства детали задержания, посчитав их издержками профессии. Да и руководство особо не придиралось, ведь победителей не судят, но, тем не менее, слухи о моих способностях разошлись в определенных кругах. Среди преступников и милиционеров за мной навечно закрепилась репутация рискованного оперативника и бесшабашного мента.

Смотрю сквозь эти пятнадцать лет, как в увеличительное стекло, и все размышляю, а что же было – мистика, наваждение, простое везение? Нас всего трое, а бандитов шестеро, они могли застрелить меня, ударить по голове, разлить «марцефаль» в конце концов. Да мало ли что могли сделать бандиты с хрупкой женщиной в кожаной курточке? Вспоминается ликование моих коллег по факту нашей победы и состояние шока, не оставляющее меня в течение целой неде-

ли. А потом жизнь и служба закрутили, завертели, закружили меня, и я забыла об этом случае. Работа сыщика, так или иначе, связана с мистикой. Иногда она может проявиться и в таком необычном виде...

Санкт-Петербург, Россия, май 2002 года

Мальцевский рынок

Однажды в нашей стране началась активная борьба с организованной преступностью. Преступность была всегда, но бороться с ней начали, когда создали специальное подразделение для борьбы с этим злом.

В то время я работала в уголовном розыске с мелкой уголовной сволочью, и организованная преступность меня ни с какой стороны не волновала. Зарплату я получала вовремя, за каждую задержанную группу уголовных элементов мне давали премию, работала сутки напролет, и как говаривали районные прокуроры, «мела воров, как дворник». Ходила, точнее, бегала по городу вся взмыленная, глаза, обведенные синими кругами, проваливались куда-то глубоко за скулы, от усталости боль подкатывала в виски и доводила почти до обморочного состояния. Мне приходилось скрывать усталость, накопившуюся во мне за долгие годы, чтобы не уволили, и я активно продолжала пополнять следственный изолятор под мистическим названием «Кресты» той самой уголовной сволочью.

Как-то вызвал меня генерал и в доверительной форме объяснил, что вынужден направить на ответственный участок работы. Я должна участвовать в важной операции, а проинструктируют меня на месте действия. Все держалось в строгом секрете, до начала операции оставалось немногим

больше четверти часа...

Я села в промерзший автобус, и он куда-то покатил, весело подмигивая фарами и мигалками, затем остановился возле Мальцевского рынка, и мне приказали идти в кабинет директора. Мне досталось довольно щекотливое поручение – обыскать директора рынка. В тесном кабинетике, почти каморке, я приступила к производству следственных действий. Директором оказалась приветливая миловидная женщина, приятно пахнущая, хорошо и добротно одетая в дорогостоящие по тем временам вещи. Понятые покорно встали по бокам двери, и я приступила к исполнению служебных обязанностей.

Во-первых, я вежливо предложила женщине добровольно выдать валюту, оружие, ценности, имеющиеся при ней, а сама тем временем осматривала крокодилово-кожаную сумочку дамы. В сумочке лежала фотография пуделя с огромными грустными и печальными глазами. Пес выглядел таким же ухоженным и изящным, как и его хозяйка, казалось, что он тоже надушен хозяйкиными духами, по крайней мере фотография приятно пахла. Я поняла, что пудель – самое любимое существо на свете у этой женщины, не дай бог, что случится с псом, хозяйку хватит апоплексический удар. Пришлось напомнить еще раз о запрещенных предметах. В ответ молчание. Понятые покорно застыли у дверей. Я посмотрела женщине в глаза, они молили о пощаде и сострадании. Пронзительная жалость охватила меня, и я, поморщившись,

не стала обыскивать женщину, ограничившись одной сумочкой. Женщина несказанно обрадовалась, поправила одежду, поглядела в зеркало и вдруг потеряла ко мне всяческий интерес. Вошедший оперативник спросил меня:

– Ну, что, нашла?

Я отрицательно помотала головой.

– Ничего нет, сумка пустая, в карманах пусто.

А потом началось главное. Началось ровно через девять минут. Теперь я знаю, что такое позор, причем настоящий, такое переживают редко. Вошедший оперативник включил флуоресцирующую лампу, и я с ужасом увидела, что юбка, джемпер, сумка, даже волосы женщины и весь кабинет светятся дивными лучами, особенно угол кабинета, куда директор рынка сбросила деньги. Даже на мне остались следы вещества. Это была взятка, причем, в крупных размерах, деньги заранее поместили специальным средством. Пока я любовалась фотографией пуделя с печальными глазами, директор рынка сбросила деньги, абсолютно не смущаясь присутствием сотрудника милиции в моем лице и двух понятых, тупо стоявших у двери.

Следы фиолетовых лучей красиво протянулись по низу юбки, длинными плетями протягиваясь в угол, где и красовались пачки денег, перетянутые аптечными резинками. Молча, чуть не плача, я принялась оформлять изъятие денег в крупных размерах, это была ежедневная дань от торговцев за место на рынке. Огромные деньги – как в те, так и в ны-

нешние времена. Деньги не пахли, но светились и так красиво лежали в углу.

Мне стало стыдно. Так стыдно мне никогда не было. Я ощущала себя предателем системы. Я еще долго помнила это отвратительное ощущение, и долго корила себя, зачем поверила женщине? До сих пор мне грезится честный взгляд печальных глаз беззащитной женщины, он смотрит на меня из прошлого с немым укором.

Прошли годы. Иногда я бываю на приемах, и, видя ослепительных нарядных женщин, всегда вспоминаю ту, с Мальцевского рынка, с честным взглядом серых печальных глаз и фотографией пуделя в сумочке.

Санкт-Петербург, Россия, 2002 год

Ошибка природы

Иногда в прошлом можно спрятаться, иногда в него можно окунуться, как в прорубь. Ох уж, эти далекие восьмидесятые, кажется, что все было только вчера. Кому-то эти годы покажутся далекими, прошловековыми, мне же они видятся близкими и родными, ведь это были годы моей боевой молодости. В то время я работала детским инспектором в одном из центральных районов города Ленинграда.

Службу детских инспекторов создали в тридцать пятом году для работы с детьми, насильно лишенными родителей – политических заключенных, являвшихся «врагами народа». И таких детей нужно было определять в детские приемники-распределители, в детские дома и приюты. И не просто определять, а так «устроить» ребенка, чтобы он навеки забыл своих родителей, свою фамилию, имя и отчество, и даже собственный день рождения. Постепенно профессия прижилась, и, утратив политическое предназначение, стала принадлежностью правоохранительной системы со всеми вытекающими отсюда последствиями, а в восьмидесятые детский инспектор плавно трансформировался в инспектора по делам несовершеннолетних, словно кроме несовершеннолетних не существовало малолетних, грудных и других обездоленных детей. Дети ведь тоже могут являться потерпевшими, и защитить их гораздо сложнее, и судьба их трагичнее,

чем у любого взрослого, будь то преступник или жертва преступления.

Много детских судеб прошло через мои руки и сердце в те годы, и каждому я старалась помочь, безжалостно расходуя собственные силы, время и здоровье. Судьба любого подростка становилась моей собственной болью, и я без всяких раздумий растрачивала себя, чтобы помочь обрести равновесие случайно оступившемуся ребенку. Случалось много казусов и курьезов, без которых никак было не обойтись в работе, тем более с детьми!

Однажды в мое дежурство постовые милиционеры доставили в детскую комнату правонарушителя. Правонарушение было довольно странным: подросток в Гостином дворе в отделе игрушек раздевал кукол. Никогда я не слышала о подобном правонарушении – ни до этого случая, ни после.

Что это: кража, хулиганство – или то и другое вместе? Я с любопытством разглядывала безумно красивого мальчика лет двенадцати и молчала, не зная, что сказать. Ни на хулигана, ни на вора мальчик не похож, скорее – на дорогую и редкую игрушку. После долгой беседы с ним мне стало ясно, что мальчишка не вор, и не хулиган. Правонарушение имело неясную природу своего происхождения. Картина не прояснилась и после того, как явился отец мальчика, оплывший и грузный прапорщик. Физиономия у него была круглая, румяная, вызывающе лупеточная, такая могла принадлежать только женщине. Глядя на грузную фигуру прапор-

щика, можно было представить его пышной и румяной бабой, бойкой и вздорной...

Почувствовав во мне заинтересованную сторону, посетитель стал изливать свою боль плачущим голосом.

– С малых лет любит переодеваться в девчоночьи платья. Таскает у двоюродной сестры, тайком переодевается, и никакими силами не снять с него платье.

– Когда это случилось в первый раз? – осторожно поинтересовалась я.

Мне казалось, что я касаюсь тонкой материи чувств, случайно вмешиваясь в недоработку самой природы. Почти что трогаю руками тайны мироздания! Ничего не поделаешь, даже Всевышний имеет право на ошибку.

– В два года! – воскликнул прапорщик и всплеснул при этом руками. Получилось совсем по-бабьи...

– А сколько раз он надевал платья? – Я по-прежнему была осмотрительна.

– Да так все время и напяливает! – Прапорщик обреченно махнул рукой и облокотился на мой стол.

Мы с грустью посмотрели на мальчика. Женя, так звали красавчика, смотрел в окно, и желания разговаривать с нами у него не наблюдалось.

– И что нам делать? – обратилась я к несчастному папаше. – Продавцы Гостиного двора жаждут крови. Им ответ надо давать. Ну, в смысле, что я предприняла по отношению к вашему сыну, какие меры воспитательного воздействия... –

терпеливо объясняла я.

– Да какие там меры, он же – ошибка природы, – вздохнул отец. – Может, убить его?

– Убивать не надо! – испугалась я. – Мы его перевоспитаем. С вашей помощью, конечно. И ваш сын нам поможет. Женя, ты согласен перевоспитываться?

Паренек злобно взглянул на меня, и от его взгляда меня передернуло. Слишком взрослый взгляд оказался у этого красавца. Я помрачнела и, собрав волю в кулак, произнесла «железным» голосом:

– Женя, если ты не согласишься на мое предложение, мне придется оформить твое правонарушение, как кражу. И до конца своих дней ты останешься вором. Судьба твоя пойдет наперекосяк. Согласен?

– Нет! – словно передразнивая меня, произнес «железным» голосом Женя.

– Значит, будем перевоспитываться! – обрадовалась я. – Будешь приходить ко мне на беседы раз в месяц. Или я сама тебя буду вызывать. Одного, без родителей. Согласен?

– Согласен. – Тяжелый вздох.

Я проводила их до дверей, мысленно желая мальчику и его отцу обрести равновесие в этом шатающемся мире. А затем в суете милицейских будней забыла про паренька со странными привычками.

Прошло два года. Как-то меня вызвали по рации в дежурную часть, нарушив мои личные планы, я только собралась

улизнуть с работы пораньше. Не вышло! Мысленно чертыхнувшись, я помчалась в дежурку. Еще у двери меня оглушил хохот: смеялись все, постовые, дежурные и даже их помощники.

– Что у вас здесь? – разгневалась я. – Цирк приехал?

– Какой цирк, Сергеевна, тут нам подростка доставили.

– И что, в первый раз подростка видите?

Больше всего на свете мне хотелось домой. Разбираться в происходящем не было никакого желания.

– Да нет, не в первый, – Дежурный наконец прервал хохот. – Этот дикий какой-то. Он в баню подглядывал.

– И что? От женской бани их доставляют ежедневно, а мне потом всех на учет ставить. Что тут смешного?

– Да он в мужскую баню подглядывал!

– Не может быть... – прошептала я, догадавшись, с кем опять меня свела судьба.

Весной и осенью детские инспекторы стонут от лавины подростков, подсматривающих в женские бани. Эти ранние пташки облепляют запотевшие окна питерских женских бань и торчат часами, разглядывая в расплывающемся тумане обнаженные женские тела. Но на сей раз случилось что-то из ряда вон выходящее. Не бывало такого случая, чтобы подросток подглядывал в мужскую баню! Да и что там может быть интересного?

Я прошла вглубь дежурной части и увидела съездившегося от страха Женю. Он подросток, вытянулся в длину и стал еще

красивее, чем был два года назад. После знаменательного инцидента в Гостином дворе в течение года я проводила с ним душеспасительные беседы, а затем решив, что с мальчиком ничего подобного больше случиться не может, с профилактического учета его сняла. Почти что медаль вручила.

– Жень, ты зачем подглядывал в мужскую баню?

Дурацкий вопрос, тем более, что ответ я знала.

И снова начались душеспасительные разговоры. День за днем целых два года я наставляла на путь истинный малолетнего любителя голых мужских тел. Я потратила на него уйму времени, эмоций, нервов. Особенно я не щадила времени – тратила часы, дни, недели... Мне было жаль красивого мальчика. Красота у него была редкая, невиданная и в природе не часто встречающаяся. Дивные ресницы, густые, как опахала. Поражал взгляд синих бездонных глаз, которые напоминали море перед бурей, когда все еще тихо, но уже где-то в глубине зарождается шторм, и уже ощутимо дыхание тревоги.

Все в пареньке было красивым и изящным: губы правильной формы, в меру алые, трепетные, нежный румянец на щеках – кожа тонкая и просвечивает, будто кровь, пульсирующая внутри Жени сияет изнутри флуоресцирующим светом, освещая его лицо, томное и надменное.

Сейчас я понимаю, что мой подопечный уже тогда осознавал свою красоту, и от этого осознания презирал все человечество в целом. В том числе и меня! Меня, кстати, он прези-

рал больше всех. В конце концов, он надоел мне хуже горькой редьки. Его красота раздражала меня. Его презрение забавляло.

– Короче, Женя, если тебя доставят еще раз от бани, – сказала я однажды своим знаменитым металлическим голосом, – жди от меня гадости. Не прощу! Тебе нравится, что над тобой смеются одноклассники? Нет, тебе это не нравится. Поэтому, если хотя бы еще раз ты переоденешься в девчачье платье, или будешь торчать у мужской бани, я опозорю тебя на всю округу. Давай заключим сделку: ты выполняешь мои условия, а я, в свою очередь, оберегаю твою неприкосновенность. От родителей, от одноклассников, и от всех остальных, разумеется!

Я попыталась убедить Женю, что его красота не принадлежит ему лично. Этот редкий дар природы он обязан передать его по наследству своему сыну. Мне казалось, именно этот довод возымел свое воспитательное воздействие на красивого мальчика. Он выполнил все мои условия, и я сняла Женю с учета, как водится у идеалистов, снова «с исправлением!». И я снова потеряла его из виду.

Прошло еще несколько лет, заканчивались бурные восьмидесятые годы, приближались лихие девяностые. В стране кипела перестроечная работа! Уже появились в продаже первые порнографические журналы, в видеосалонах крутили эротические фильмы. словно кто-то запустил пробный шар: скусает ли советское население лакомый кусок сладкой

отравы и проглотит или осудит искusstелей нравственности. «Все еще только начиналось» – как любит сообщать нам с телеэкрана одна не очень талантливая певица.

Однажды я мчалась по летнему и душному городу по какому-то срочным делам. Муторно находиться летом в городе, все время хочется срочно отбыть на природу, чтобы понежиться на солнышке, повялить на траве косточки. Мимо меня прошли двое. Я встрепенулась и убавила шаг. Оглянулась. А могла бы спокойно пройти мимо!

Да, это был мой недоперевоспитанный красавчик. Боже, каким она стал красивым! Его красота ослепляла. Самые известные внешности мира не могут сравниться со столь редкой красотой. Ален Делон, Жан Марэ, Жерар Филипп... куда им всем до моего бывшего подопечного!

Женя и его спутник тоже оглянулись и тупо уставились на меня. Очевидно, Женя посвятил своего друга в тайны своей прошлой жизни. Это был мужчина лет тридцати, невысокого роста, надменный и красивый, но не той редкой красотой, что у Жени, а несколько по-иному. Так бывают красивы многие надменные мужчины, презирающие всем своим нутром женскую половину человечества – да и все человечество в целом.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Пустая улица. Я – несколько растерянная от встречи, ошеломленная. Они – уверенные в себе и надменные, весьма основательно стоящие на этой шатающейся земле. То, что они давние любов-

ники, не было никаких сомнений.

Ему слегка за тридцать, Жене уже восемнадцать – какая красивая разница. Да и пара они красивая. Вот тебе и ошибка природы. Ради чего, собственно говоря, я так убивалась? Видимо, судьба у него такая.

Я уныло поплелась по душному и пыльному городу, забыв о своих срочных делах.

Санкт-Петербург, Россия, 2002 год

Утраченные иллюзии

В 1987 году я работала детским инспектором в одном из районов Ленинграда. Уже пять лет я носилась по территории района, изо всех моих слабых сил пытаюсь искоренить навеки детскую преступность и безнадзорность. Повидала за это время много, пролила немало слез, видя бесчисленное количество обездоленных и незащищенных детей. Особенно запомнился случай, когда мне пришлось выехать на место происшествия в одну из многонаселенных коммунальных квартир. Соседи позвонили в милицию через двое суток, изнемогая от детского плача.

В комнате был закрыт двухлетний ребенок. Жестокосердые соседи терпели его скулеж до тех пор, пока ребенок не начал выть, тогда они позвонили в местное отделение милиции. Я прошла к комнате и услышала предсмертный хрип. Вместе с сержантом мы выбили дверь, у порога лежало неподвижное тельце.

Я наклонилась к крохотному существу. Все силы ребенка ушли на плач и мольбы о помощи. Он был весь измазан калом и мочой. Над плинтусами повисли клочки обоев – ребенок пытался их есть. Когда я наклонилась к нему, малыш рванулся вверх и крепко обхватил мою шею руками. По форменной рубашке и юбке потекли струи мочи и кала. Так и вышла я из страшной комнаты с ребенком на шее. Только

в дежурной части смогли оторвать его от меня. Трудились сразу четверо: врач «скорой помощи», медсестра, дежурный отделения и сержант. Они с трудом справились, видимо, я стала для ребенка спасителем, интуитивно он не хотел отрываться от своего избавителя. И вложил в свои крохотные ручонки волчью хватку...

Много детского горя пришлось мне увидеть за пять лет службы на поприще детской преступности и безнадзорности. В моей душе укоренилась уверенность, что я спасаю детей от настоящей беды, от родителей-пьяниц, от нищеты, от одиночества, от вселенского непонимания. Я твердо знала, что дети – беспомощные существа, и я обязана защищать их права на нормальную человеческую жизнь. Эта мысль помогала мне работать и ощущать себя полезным человеком в обществе. Дети, в свою очередь, чувствовали мою искренность и доверяли мне свои беды и горести.

Но вскоре в моем правильном мироощущении появилась большая трещина. Однажды на прием в детскую комнату пришла старушка с семилетней внучкой. Старушка долго сморкалась в скомканный платочек, прятала от меня глаза, жевала губами, мыча что-то нечленораздельное. Внучка сидела рядом с бабушкой. Симпатичная девочка смотрела на меня честными голубыми глазами в ожидании развязки. Невинный ангелочек!

– Бабушка, – не выдержала я, – ну, говорите уже, что у вас стряслось? Говорите прямо, не стесняйтесь, мне можно все

рассказывать, как доктору, даже самое сокровенное. Только честно!

– Голубушка... – Старушка перестала стесняться, но сбилась и молча кивнула в сторону внучки.

– Детка, расскажи мне, что у тебя случилось? – Я обратилась к девочке-ангелу.

И та рассказала, как она живет, что ее волнует, чем она интересуется. На протяжении двух лет ее систематически насылует отчим – «лицо кавказской национальности». И все бы ничего, но девочка сообщила мне такие подробности, что я округлила глаза до самых невероятных размеров, а затем, схватив старушку вместе с девочкой подмышку, со всех ног помчалась к начальнику отделения.

Начальником в то время был человек, несомненно, суровый, повидавший на своем милицейском веку небывалые события и потому относившийся к жизни весьма философски, но когда я появилась перед ним вместе с бабушкой и девочкой и, путаясь в словах, попыталась пересказать их историю, начальник побледнел и рывкнул:

– Срочно в судебно-медицинскую экспертизу! Срочно! Бери машину и мчись на Седова. А я вызову следователя прокуратуры. В машине возьмешь у девочки объяснение.

– В машине не получится, – робко заметила я, – тут вон сколько писать надо. Целая поэма получится.

– Тогда срочно бери объяснение с девочки, машина будет ждать. И бегом гони на экспертизу. А я пока в адрес опе-

ров пошлю, пусть в засаде посидят, чтобы отчим никуда не смылся.

Я переписала живописный рассказ девочки аккуратным почерком, стараясь не перепутать подробности насилия и систематического сожительства, стараясь не вникать в интимные подробности половых актов, ужасаясь про себя, как это могло случиться. В то время мне было уже тридцать, но о подобных сексуальных откровениях я никогда не слышала, и нигде о них не читала, в кино не видела и даже не предполагала, что такое бывает на этом свете. Бабушка стыдливо отворачивалась, и все просилась выйти на улицу, но опрашивать ребенка разрешается только в присутствии родителей или других родственников. Пришлось прикрикнуть на старушку, чтобы она не мешала процессу расследования.

Чувства справедливого негодования за надругательство над ребенком переполняли меня. Рука затекла, ручка выплывала в уставших пальцах. Глаза девочки блестели, щеки разрумянились, она как бы заново переживала произошедшее с ней.

Исписав пять страниц мелким почерком с обеих сторон, я усадила ребенка и бабушку в дежурный «уазик», и мы помчались на улицу Седова. Я заставила водителя включить «мигалку». Встречные машины послушно уступали нам дорогу.

Меня подгоняло чувство несправедливо поправленной справедливости. Я стремительно влетела в кабинет дежурного гине-

колога и довольно эмоционально посвятила его в подробности происшедшего. Врач, сорокалетний мужчина, немногословный и сдержанный, мельком глянул в страницы объяснения, пробежал их глазами и нахмурился. «Наверное, у него дочери есть, – подумала я, – только отец, любящий своих родных дочерей может так искренне отнестись к беде, случившейся с чужой девочкой. Да и кто может спокойно относиться к надругательству над ребенком?»

Доктор начал осмотр. Я отвернулась к окну, стараясь абстрагироваться от ситуации. Не люблю я, знаете ли, всякие такие процедуры и манипуляции, вроде медицинских осмотров врачом-гинекологом. Особенно, если при мне осматривают маленькую девочку. Слишком у меня чувствительное сердце.

– Подойдите, пожалуйста. – Голос доктора показался мне подозрительным, лишенным всякого сострадания.

– Зачем? – пожала я плечами. – Я все равно ничего не понимаю в этом. Я нарисовала рукой овал, символизирующий пространство кабинета вместе с «курульным» креслом.

– Подойдите и посмотрите! – жестким тоном приказал доктор.

Я подчинилась и подошла, брезгливо сжимая губы. Ох, избави бог от подобных зрелищ.

– Вот, посмотрите, пожалуйста. – В голосе доктора звучало больше иронии, нежели сострадания. – Организм девочки все в полной сохранности. Гинекологически она сохранна.

– Не может быть!

Я потрясла пятью исписанными мелким и аккуратным почерком, страницами перед ироническим взглядом доктора.

– Я, пожалуй, приглашу своих коллег. Мы осмотрим девочку.

Он куда-то вышел и вернулся с тремя коллегами в белых халатах – мужчина и две женщины, все люди серьезные, годами составлявшие и подписывавшие серьезные экспертные заключения, осмотревшие на своем веку не одну жертву сексуального преступления... Сотни, тысячи жертв...

Я опять отвернулась к окну. Обманули, обвели, так сказать, вокруг пальца. Меня, тридцатилетнюю женщину, милиционера с пятилетним стажем обдурила маленькая семилетняя девочка!

Я вспомнила, что в засаде на отчима девочки сидят на лютой жаре опера, и решила действовать решительно:

– Вы подтверждаете заключение доктора? – спросила я членов комиссии.

– Да, – дружно кивнули они и стали объясняться со мной исключительно медицинскими терминами.

– ...Да я ничего не понимаю, что вы мне говорите! – взмолилась я. – Можно объяснить по-человечески?

– Девственная плева не нарушена, с девочкой не никогда совершался половой акт.

– Никогда?

– Никогда!

– Но откуда вот это? – Я потрясла бумагами. – Вы понимаете, что она мне наговорила на тяжкий состав преступления для своего отчима. Расстрельная статья!

Члены комиссии удалились от греха подальше, а мягко-сердечный доктор долго объяснял мне, почему у девочки возникли галлюцинации.

– ...Но она не могла выдумать такие подробности! – наконец не выдержала я. – Вот, послушайте: «Он смазал мне влагалище вазелином, при этом ввел указательный палец в задний проход...». Такого ужаса даже зрелая женщина не придумает!

– Вполне возможно, что она наблюдала половой акт у взрослых. Так как девочка очень грязная, судя по всему, ее не мыли уже недели две, а может и больше, на почве грязи и зуда у нее возникли галлюцинации. Вполне определенные и обстоятельные.

– Но это же невозможно... – прошептала я, – меня до сих пор не смог обмануть ни подросток, ни вор, ни «побегушник». Я же ей поверила! Вот послушайте, – я опять поднесла объяснение к очкам доктора: «Он ввел мне половой член в задний проход, потом переместился во влагалище...» Семилетняя девочка не может такое сочинить!

– Как видите, может, – вздохнул доктор, – в медицине это явление называется «ранняя гиперсексуальность». А все от скотской жизни. Живут, наверное, в одной комнате все подряд, не моются – вот и результат. Не расстраивайтесь! Мо-

жет, вам валидолчику? – спохватился доктор.

– Да какое там, – отмахнулась я, – оперативники отчи-
ма караулят на лестнице, вызвали следователя прокуратуры,
ждут меня с заключением экспертизы. А вы мне – «вали-
долчик»...

– Ну, как знаете, – засмеялся доктор.

Он уже занимался своими докторскими делами и ко мне,
к «моей» девочке, к пяти исписанным мелким почерком ли-
стам, утратил интерес. Да и рабочий день был на исходе...

В «уазике» я молчала, стараясь вновь обрести веру в че-
ловечество, чтобы заново поверить, что любая маленькая де-
вочка прежде всего Золушка, Русалочка, Машенька, ну, и,
вообще, маленький и беззащитный ребенок, но сидящая ря-
дом девочка вызывала во мне брезгливую обиду и отвраще-
ние. С нехорошим чувством я не справилась, чтобы изба-
виться от него, задала вопрос бабушке:

– Вы вместе с дочерью живете?

– Нет, голубушка, от них я отдельно живу, – Старушка не
поднимала глаз от стыда.

– Дочь давно замужем за этим...? – Я покрутила головой,
изображая нечто.

– Да недавно, с год. У нее еще трое детей.

– И все в одной комнате живут?

– В одной, в одной, – тяжело вздохнула старушка.

– И почему она детей не моет?

– Не знаю... – Старушка выглядела как типичная опрят-

ная ленинградская бабушка, чистенькая такая, аккуратненькая.

– Вы слышали, что сказал доктор? – строго спросила я.

– Слышала голубушка, слышала, – покивала головой старушка, стараясь не встречаться со мной взглядом.

– Девочка сама вам рассказала?

– Да она мне уж давно все рассказывает, я сперва хотела с дочкой поговорить, выяснить, что да как, а потом подумала, что надо в милицию пойти, – сокрушалась старушка, – уж больно внушка-то правдиво все рассказывает!

– Куда уж правдивей, черт! – В сердцах выругалась я.

Я доложила начальнику отделения результаты осмотра, предъявила заключение комиссии и жалобно заглянула ему в глаза. Он смачно выматерился и пошел объясняться со следователем прокуратуры, капризной и надменной женщиной. «Улещивать пошел, – выдохнула я, – сейчас ему жарко станет». А сама отправилась собирать документы и справки на лишение родительских прав нерадивой мамыши, занимающейся любовью с «лицом кавказской национальности» в присутствии малолетних детей.

Не знаю, лишили ее родительских прав или нет – в том же году я отправилась служить в уголовный розыск. Вера в человечество ко мне так и не вернулась. Всегда жаль расставаться с идеалами.

Несколько лет мне пришлось отслужить в так называемой «полиции нравов». По долгу службы часто приходилось на-

читать определенное количество порнографической литературы, чтобы уметь отличить порнографию от эротики и привлекать преступников к уголовной ответственности за распространение порнографии. И никогда в порнографических книгах я не встречала столь подробных и смачных описаний, так изумивших меня в далеком 1987 году.

Санкт-Петербург, Россия, апрель 2002 года

Золотая зажигалка

В одном прекрасном городе жил-был страшный разбойник. Вообще-то, выглядел он не очень страшным, вблизи и даже издалека смотрелся вполне привлекательным. Разбойник чрезвычайно гордился своей красотой и часто любовался собственным отражением. В зеркале он тоже выглядел здорово. Но разбойник был ужасно ленивым. Слишком уж любил женский пол, не мог даме отказать, по этой причине вечно сидел без денег.

Однажды у разбойника совсем закончились какие-либо средства. Он посмотрел на себя в зеркало. Отражение не порадовало. Грустные глаза, звериный оскал. Голод не тетка! Разбойник испугался страшного отражения и отправился на работу.

Вышел на улицу и стал ждать. Притаился зачем-то в кустах. Наконец услышал торопливые шаги. По аллее трусила дамочка, как водится, с сумочкой через плечо. Разбойник выскочил из-за кустов, хватать сумочку – и был таков, а дамочку оставил в бесчувственном состоянии. Когда стихли крики прохожих, разбойник осмотрел сумочку, вытащил оттуда 2000 рублей, золотую зажигалку и пачку сигарет. Пустую сумочку выбросил в мусорный бак. В общем разбойник был доволен добычей.

После тяжелого трудового дня он решил немного отдох-

нуть и переодеться. Передовик тяжелой индустрии проживал рядом с работой. Он зашел домой и быстро снял с себя черные джинсы, черную куртку, черную шапочку и черные очки. Надел все белое: белые джинсы, белую куртку и белую шапочку. Только белых очков у него почему-то не было. Весь в белом, но без очков разбойник вышел из дома.

На улице царил суматоха. Все искали неизвестного разбойника в черной одежде, хватая всех подряд, кто хоть немножко был в черном. Разбойник раздобрился и помог задержать еще одного, в черной лыжной шапочке. И тут к разбойнику подошла девушка с пистолетом, она мило улыбнулась разбойнику, похвалила его за храбрость и попросила составить ей компанию в качестве понятого. Разбойник очень любил дамское общество и не смог отказать девушке с пистолетом, он охотно последовал за ней. Он втайне смеялся, когда ограбленная дамочка пыталась опознать троих мужчин в черных шапочках. Ограбленная осмотрела мужчин и спереди, и сзади, долго прыгала перед их физиономиями, но, в конце концов, сдалась. Никого не опознала и не признала, а тайный разбойник прыскал в кулак, ведь дамочка утверждала, что видела страшного разбойника только со спины, дескать, она отлично познакомилась с его бегущим задом. Все требовала предъявить ей разбойничий зад, лишь тогда она сможет опознать бандита. Девушка с пистолетом молча кивала в ответ, а затем отпустила троих ни в чем неповинных мужчин восвояси.

Зацепив зубами тонкую сигарету, пострадавшая вежливо обратилась к красивому понятому:

– Угостите даму спичкой.

И неузнанный разбойник не смог отказать даме, угодливо и галантно чиркнул перед ней изящной зажигалкой. В этот момент ограбленная дамочка по-лисьи тонко и пронзительно взвыла и крепко вцепилась зубами в разбойничий нос. Она опознала свою зажигалку! А девушка с пистолетом спокойно и уверенно защелкнула наручники на руках наглого разбойника. Так бесславно закончилась успешная и удачливая карьера красивого, но страшного разбойника.

Санкт-Петербург, Россия, 2005 год

Диван

Сколько на свете существует мебели? Много. Мебели на планете гораздо больше, чем людей, способных ее не только купить, но и достойно эксплуатировать. Всякий день на мебельных фабриках тачают и стучат, грохочут и прибивают, приклеивают и ошкуривают. Во все стороны разлетается древесная стружка, мелкая труха, опилки. Сладко пахнет клеем и деревом. Вкусно! Готовая мебель гордо высится на переднем плане, готовясь в дальний путь. Столы, стулья и диваны еще не знают, где они будут жить, кто на них усядется, облокотится и уляжется. Место жительства и регистрации мебели пока неизвестно. Сначала изготовленные предметы повезут на склады, затем отправят в магазины, представят на ярмарках. Покупатель долго будет щупать, трогать и гладить бока и шпон, фанеру и настоящее дерево, выбирая по себе и под себя удобную и комфортную мебель. А мебель прихорашивается, подчепуливается, собираясь предстать перед будущим хозяином во всей красе. «Выбери меня, выбери меня, выбери меня». Любой предмет обихода хочет заполучить себе доброго господина, чистоплотного, аккуратного, хозяйственного, ведь только с подобным субъектом можно прямым путем попасть в двадцать второй век, чтобы стать музейным раритетом. На этом диване спала Жорж Санд. В этом кресле сидел Поль Элюар. За этим столом пи-

сал «Идиота» Федор Михайлович Достоевский. Каждая деревянная поделка мечтает о далеком будущем, хочет, чтобы на нем сидели и лежали только великие люди, смелые, храбрые, бесстрашные. Герои и мечтатели, тихони и гении.

Мне сразу понравился именно он. Это была любовь с первого взгляда. Увидела его в магазине на улице Пестеля. Тогда с мебелью было туго. Впрочем, тогда со всем было не только туго, но и худо. С хлебом, мясом, стиральным порошком и, естественно, с мебелью. Магазины пустовали. И вдруг на подиуме стоит диван, такой красавец, стройный, пропорциональный, стильный. Я почти обезумела. Представила красавца в своей квартире: вот он стоит, достойный и солидный, на самом видном месте, будто приглашает к себе в гости, дескать, усаживайтесь, хотите – ложитесь, отдохайте, и пусть весь мир подождет. Уютный и домашний. Собственный. Родной.

С горящими глазами, возбужденная азартом, я обежала всех знакомых на предмет сбора денег в пользу развития мебельного производства. И никто не отказал. Деньги мне дали, но частями. Беготни было много. Затем была долгая история с доставкой и погрузкой, но все обошлось благополучно. В двенадцать ночи диван прибыл на место дислокации. И сразу стал родным и близким. На нем прекрасно спалось. Чудесно отдыхалось. Но это еще не все... Он не был просто спальным местом, диван сделал из меня писателя. До него я и не помышляла о сочинительстве. Жила себе и жила. Лав-

ры Ельфриды Елинек меня не волновали. Диван вдохновил меня. На нем зарождались новые сюжеты, слагались стихи, сочинялись рассказы. Предмет обихода располагал к творчеству. На нем можно было предаваться красивому страданию. Пребывать в нирване. Медитировать. И это было прекрасно. Мои книги благополучно издавались, гонорары поступали на счет в банке с исключительным педантизмом.

И вот родился новый сюжет. Естественно, на нем, на диване. Нужно сделать ремонт и поменять обстановку. В сущности, ничего экстремального, ремонт в квартире – признак благополучия и процветания. Значит, дела у конкретного человека и целиком в стране идут отлично. Если люди делают ремонт, покупают мебель, избавляясь от старой рухляди, значит, страна спешит в будущее, у страны есть товарооборот, отсутствует инфляция, растет уровень ВВП.

Когда наступил исторический момент публичного показа писательского благополучия, я выяснила, что мебелью, вполне доступной по ценам и добротной по качеству завалены все магазины. В старой мебели никто не нуждается. Даже на дачу покупают новую, а мне нужно было избавиться от своего, хотелось чего-то нового. С превеликим трудом я нашла покупателя на мой эксклюзивный диван. Покупатель расположился во дворе нашего дома в бывшей дворницкой. Он долго слушал мои удивительные рассказы об уникальном диване, все время смотрел куда-то вбок, угрюмо и свирепо молчал, тяжело, с присвистом дышал, затем приподнял грузное

туловище и взмахнул рукой: дескать, пошли отсюда, я на все согласен. И даже отдал мне деньги. Целых полторы тысячи рублей. На выходе брезгливо сунул скомканные бумажки в мою руку. Позже ко мне домой пришли его приятели, такие же грузные и молчаливые и, взвалив диван на плечи, уволокли мое сокровище в дворницкую. Я тихо всплакнула, прощаясь, но быстро успокоилась. Впереди уже брезжила новая жизнь, и не какая-нибудь, а в модном хайтеке, с прозрачными шторами и жидкокристаллическим телевизором. Совсем как в модном журнале. Пустая комната и огромный экран. Не квартира, окно в большой мир.

Быстро промелькнули трудные дни, поглощенные войной со строителями, электриками, антенщиками, малярами, столярами и плиточниками. Каждый был строг и требователен. И каждый жаждал власти. Все хотели видеть мою квартиру на свой лад. По-своему. И лишь одна я видела ее иначе.

Но все проходит на этом свете. Ремонт закончился. Началась новая жизнь. Хайтек прочно поселился в моей квартире. В пустом пространстве сверкало и бурлило жидкокристаллическое окно в огромный мир, но оно напоминало котел с кипятком, и я откровенно заскучала. Сначала мне нравилась пустота, затем я ощутила, что мне чего-то не хватает. Наверное, страданий, но красиво страдать можно и в хайтеке, это не запрещено действующим законодательством. И вдруг я поняла. Мне плохо потому, что книги отвернулись

от меня, нет во мне ни одной умной мысли. У меня и во мне ничего нет. Пустая комната. Пустая голова. Пустая душа.

И я побрела в дворницкую. Я не надеялась на благополучный исход, но случилось настоящее чудо, мой родной диван стоял на видном месте. Я уселась на него и почувствовала энергию. Мой! Родной. Душевный.

– Продай диван, – вежливо предложила я. – Пожалуйста!

– Двести баксов, – сразу согласился сидевший за столом мужчина, даже не подняв головы. Ему было скучно на меня смотреть.

– Ты что, очумел! Ты же у меня купил его за пятьдесят! – завопила я, забыв, что являюсь видным литератором всех времен и народов.

– Двести. И точка.

Не сказал, но отрезал. Мужчина решительно провел ладонью по столу, словно подтверждая сказанное. И правильно. Дураков учить надо. Нечего диванами расшвыриваться. Это же не мусор.

– Грабеж в чистом виде! – Уверенности у меня поубавилось.

– Не грабеж, а жестокие законы бизнеса – оскалился грабитель.

– Звериный оскал капитализма, вот что это такое! – рявкнула я и промаршировала к выходу.

Внутри у меня все кипело, пылало и бурлило, но отвечать на чужую наглость было нечем. И мне пришлось смириться.

Жизнь продолжалась, но творческая муза больше не приходила в хай-тек. Что я только не делала! И виски пила, и сигары курила, в ночной клуб сбегала, все было бесполезно. Я съездила за город, обошла с визитами всех знакомых, прочитала уйму книг, просмотрела десяток фильмов. Никакого толку. Голова звенела от пустоты.

И я снова пошла в дворницкую. Все располагалось на своих местах. Диван в углу, мужчина – за столом. Словно не прошло несколько недель, не сменился сезон, не зазеленели листья на деревьях.

– Продай диван, согласна на двести баксов, – миролюбивым тоном начала я, присаживаясь на свою роднулечку. Сразу стало тепло на душе. Хорошая энергетика у моего дивана!

– Не могу, – усмехнулся мужчина, по обыкновению, он даже не посмотрел на меня.

– Почему?

У меня даже колени задрожали, и сердце застучало. Видимо, прошлые стрессы сказывались, неотмщенные обиды выжирали.

– Теща купила, – еще больше ощерился мужчина. – Предлагаешь, встретил ее с поезда, мосты уже развели, я привез ее сюда. Она переночевала на твоём диване, а утром говорит мне, дескать, подари диван, а я ни в какую. Тогда она пристала с ножом к горлу, мол, продай, раз подарить не хочешь. Вот, продал. За триста баксов.

– Так это ты родной теще продал мой диван за триста бак-

сов? – изумилась я. Сердце почти стучать перестало от такой наглости.

– Так она прямо влюбилась в него! Говорит, и сны ей сладкие снились, и бока не намяла, и отдохнула, будто морскими водорослями обертывалась. А такая процедура стоит в салонах больше ста баксов. Я прикинул, сколько она сэкономит, и предложил ей купить за триста, она обрадовалась, и побежала за грузчиками. Уже прийти должны, она давненько убежала.

– Продай за триста!

Я подступила к мужчине и встала на цыпочки, пытаюсь заглянуть в его глаза, но глаз у него не было. Одни набрякшие веки, как у Вия. Страшно, аж жуть!

– Пятьсот! – Мужчина подался назад всем туловищем, пошатнулся, но удержался. – Пятьсот. И забирай. Надоела ты мне со своим диваном. Тоже мне, Жорж Санд нашлась на мою голову. Местного розлива.

И что тут началось! В дворницкой вдруг образовался настоящий торг с упоминанием имен матерей всех абсолютно национальностей и народов, с перечислением заслуг и подвигов каждого из оппонентов, с упоминанием связей и родственников, разных мастей, могущественных и с уголовным уклоном, при этом в атмосфере витал пряный аромат легкого шантажа и провокации. Звнящая трель разорвала кипучий торг в самом разгаре. Звонил телефон. Это была теща. Мы узнали ее, не сговариваясь.

– Я согласна. За пятьсот, – прошептала я, словно меня мог кто-то услышать.

И диван несказанно обрадовался, он мгновенно переместился на три этажа выше и встал на прежнее место. Будто хозяин вернулся. А в моей голове мигом наступила ясность. Звонящая пустота заполнилась мыслями. В квартире стало меньше пустого пространства. А на следующий день я приступила к работе над новым романом под названием «Хайтек по-русски».

Санкт-Петербург, Россия, май 2006 года

Дамские шалости

Салон головных уборов. Полдень. Жарко. На улице оттепель, слякоть, в магазине тихо и душно. Кондиционеры натужно подвывают, разгоняя по стенам струи горячего воздуха, отчего кажется, что весь мир погрузился в мертвый сон. За барьером скучают продавщицы, они смотрят пустыми глазами в шляпное пространство, в глазах невыносимая тоска. В кружочках зрачков отражается страшная драма.

Две дамы примеряют шляпки. Они незнакомы, в магазине вместе оказались случайно. Наманикюренные пальчики ловко перебирают коварный товар. Женщины исподволь бросают жгучие взгляды одна на другую, но прямо не смотрят, каждая делает вид, что в магазине только одна покупательница. Брезгливо поджатые губы говорят сами за себя, безмолвно, но страстно: «А вам, женщина, шляпы вообще не к лицу, и нечего в рабочее время по бутикам болтаться».

В салоне много зеркал, но дамы-упрямицы выбрали одно и толкуются возле него уже битый час. С манекенов и болванок сдернуты все головные уборы, остался всего один, но он сидит высоко, на самой верхотуре, не достать. Дамы подпрыгивают, подскакивают, но за помощью к продавцам не обращаются, ведь тогда уловка раскроется, выяснится, что в магазине две дамы, а каждой хочется быть штучной, индивидуальностью, до смертных судорог хочется. Шляпка си-

дит высоко и в руки не дается, двадцать пальцев беспомощно вибрируют в воздухе. Молчание достигает высшего пика напряженности, комар пролетит, не пискнет, но будет слышно, как у него дрожат крылья. Наконец, решение найдено. Рядом стоит специально приспособленный для подобных манипуляций шест с крючком, женщины хватают его в четыре руки – и шляпка падает прямо в растопыренные пальцы, все двадцать коготков в один миг превращаются в капкан. Мертвая хватка, вот куда попала злополучная шляпка.

Женщинам уже не разжать пальцы, они переминаются на крохотном пяточке у зеркала, пыhtят, сопят, но шляпку на свободу выпустить не могут – силы иссякли.

Продавщицы еще больше скучнеют, но взглядов не отводят, наоборот, стараются не упустить лишний мазок в шляпной феерии, ведь картина с каждым движением становится живее и образнее, а спектакль разгорается. Драма явно набирает обороты.

Дамы сошлись в кровавом поединке, они еще крепче сжимают пальцы, а безучастная ко всему шляпка предательски трещит от зверского с ней обращения. Хрясь-хрясь, и на пол упали две половинки былого вождения. Шляпка не упала, скорее, она опала на мозаичный пол, как последний осенний лист с дряхлого дерева, сорванный бешеным северным ветром, прилетевшим к людям прямо из ледникового периода. Наступила последняя фаза в звуковой напряженности. Маломощные кондиционеры виновато крякнули и затихли. Ка-

залось, вот-вот будет нанесен еще один штрих в драматической картине, уже последний, завершающий. Но, увы, картина осталась незаконченной.

– Дамы-дамы, не ссорьтесь! – фальшиво-радостно восклицает хозяйка салона и подлетает к разъяренным женщинам.

Она возникла из ничего, из ниоткуда, опытным жестом развела развоевавшихся женщин по разным зеркалам, всучив каждой по диковинной шапке и бестолково затараторила, разряжая наэлектризованную атмосферу.

– Генеральный директор должен ходить в шляпе с перьями, а депутату муниципального округа нужна кокарда в виде брошки!

Тишина нерешительно потопталась возле манекенов и покинула насиженное место. В магазине стало шумно. Но страусиные перья и блестящая кокарда не радовали душу, не возбуждали вялые эмоции, бушующие страсти уже покинули тела. Покупательницы, как по команде, взглянули на часы.

– У меня же совещание через пятнадцать минут, – сказала одна, словно бы обращаясь к себе.

– А у меня ведь заседание! – ахнула другая, будто бы напоминая самой себе о не сданных в ремонт сапожках.

Дамы встряхнулись, встрепнулись, одернули юбки, поцокали каблучками и плавно выплыли из салона, пытаясь сохранять чувство собственного достоинства.

Хозяйка вздохнула, вытащила иголку и сшила две половинки разодранной шляпки. Спрятав иголку, посмотрела на

свою работу, покачала головой, прогоняя сомнения, и с помощью шеста водрузила шляпку на самую высокую витрину, почти у потолка. От греха подальше. Головной убор ехидно прищурился одним стразом, он сиял наверху всеми бликами, привлекая к себе внимание смятенных женских чувств. Хозяйка погрозила пальцем ему и продавщицам и удалилась в подсобное помещение. Недовольно взвыли кондиционеры, они словно очнулись после недолгого обеденного сна, продавщицы сучали. И вдруг все оживились.

В салон, словно заранее сговорившись, вошли две женщины, друг за дружкой, они явно были не знакомы между собой, бестолково потоптавшись в зеркальном пространстве, обе столкнулись на боевом пятачке. Жадные глаза забежали по сторонам и невольно выхватили огненный блеск, злополучная шляпка будто посылала вниз воинственные флюиды.

Начинался второй раунд. Продавщицы переглянулись, едва заметно усмехнулись, тоска сменилась любопытством. Сквозь шум кондиционеров слышался шелестящий шепот:

– Член правозащитной организации, член международной ассамблеи...

Но женщины ничего не слышали и никого не видели, они смотрели наверх, пожирая четырьмя глазами предмет раздора. И каждой хотелось быть единственной покупательницей. Первой и последней на планете. И неплохо бы во всей Вселенной. А головной убор мерзко ухмылялся им сверху.

В салоне сгустился воздух, он стал плотным и осязаемым. Ленивые кондиционеры выли и гудели изо всех сил, пытаясь разрезать душную атмосферу на части. Но все было тщетно, шляпный салон превратился в пустыню. Женщины огляделись по сторонам и увидели шест. Ненасытные глаза вспыхнули фосфоресцирующим блеском.

Камера! Дубль два! На-ча-ли!

Санкт-Петербург, Россия, 15 декабря 2007 года

Золотое колечко

Давно это было, в пору моего студенчества. Однажды перед Рождеством вышла из общежития – в этот день был очередной экзамен, – и вдруг передо мной метнулось что-то огромное и мрачное. На мгновение заслонив собой свет, это «что-то» затем бесследно скрылось. Страшное видение было похоже на огромную черную кошку. Меня даже передернуло от отвращения. Это был мой однокурсник, ненавистный и мерзкий, наши отношения не заладились с первого взгляда. Я смачно поплевала в левую сторону и, отмахнувшись от привидения, побежала на экзамен.

Шла сессия – тяжелая страдная пора для студента. Зато потом мы вволю отыгрывались за пережитые страхи. После экзаменов собирали по кругу монетки, покупали вина и сыра и оглушали местную округу куплетами из «Гаудеамус игитур». И вот очередной экзамен благополучно сдан. Я птицей полетела в общежитие в предвкушении праздника, но в комнате почему-то стояла тишина. Какой-то кладбищенский покой, пляшущие на стенах тени, на столе горят свечи. Пряно и остро пахнет сгоревшим воском. Моя соседка по комнате Наташка Пискунова сидит перед зеркалом и что-то тихо нашептывает.

Зловещая обстановка встревожила меня. На мой вопрос, а где вино, сыр, народ и все остальное, Наташка сердито фырк-

нула, дескать, никаких глупостей, а затем молча кивнула, приглашая сесть рядом и не задавать лишних вопросов.

Я плюхнулась перед зеркалом и стала рассматривать мрачный натюрморт, привыкая к экстремальной обстановке. Перед зеркалом стояла миска с водой, на дне сверкало золотое колечко. На самом деле оно никакое не золотое, обычная бижутерия, но блестело, как настоящее. Мы по очереди надевали его, бегая по многочисленным свиданиям.

– Повторяй за мной, – прошептала Наташка, – суженый-ряженный, приди ко мне наряженный.

– Ты что? – прошипела я в ответ. – Я экзамен сдала, где народ, вино и сыр? И зачем все это?..

– Как зачем? – в свою очередь удивилась Наташка. – Хочешь увидеть своего жениха, вот и повторяй за мной заклинание.

И мне очень-очень захотелось увидеть собственного жениха, то есть, того самого суженого и ряженого. И я послушно стала повторять за Наташкой дурацкие слова. То ли от запаха сгоревшего воска, то ли от темноты и экзаменационного стресса, то ли от отсутствия вина и студенческого братства, в общем, не знаю, отчего, но у меня слегка закружилась голова.

– У меня глаза слезятся, ничего не вижу!

Я попыталась дотянуться до выключателя, но Наташка с силой хлопнула меня по рукам. Выключатель уныло пискнул и вновь погрузил двух образованных подружек в средневе-

ковый мрак.

– А ты прикрой глаза, только в колечко смотри, в самую середину, а суженый покажется тебе в зеркале, – сердито прошипела новоявленная колдунья Пискунова. Я покорно подчинилась чужой воле. Прикрыла глаза и зашептала:

– Суженый-ряженный, приди ко мне наряженный...

И вот по зеркалу пробежала легкая рябь, в миске появилась незримая зыбь, будто откуда-то повеяло сквозняком, хотя окна были закрыты. В то время зима еще оставалась зимой, потепления климата никто не предрекал, и нашей планете ничто не угрожало, ни с небес, не из преисподней. И вдруг внутри зеркала скользнула тень, сначала, как на фото-пленке проявился неясный силуэт, и он медленно стал набирать вес и габариты. Мне стало страшно, но я тщательно вглядывалась в призрак – суженый все-таки. Лицо из колечка медленно приблизилось ко мне, наши взгляды встретились – и я вмиг узнала его. Тот самый ненавистный однокурсник, ненавидимый мной всеми фибрами моей юной души! Он не мог быть моим суженым по определению. И я благополучно хлопнулась в обморок.

Очнулась я только к середине ночи. Видимо, мерзкий однокурсник нечаянно напугал меня ранним зимним утром, страх глубоко засел во мне, а во время гадания ненавистный образ вылез из моего подсознания прямо на поверхность зеркала. Но это я сейчас такая умная и многое могу объяснить, а тогда, в юные годы, никто мне не подсказал, что нельзя вме-

шиваться в потусторонний мир. Людям нельзя посещать его даже изредка, пытаясь скоротать время. Нельзя этого делать и в тот момент, когда в комнате нет вина и сыра.

После этого случая я никогда не гадала. И теперь не гадаю. А очень хочется. Вдруг на закате жизни еще встречу прекрасного принца?

Санкт-Петербург, Россия, январь 2007 года

Назвался груздем? Полезай в кузов

По приглашению американских коллег-полицейских я приехала в город Феникс штат Аризона. Кроме того, что в Фениксе проходят матчи НХЛ, больше ничего об этом городе до поездки я не знала.

Оказалось, что Феникс расположен в самой настоящей пустыне, с кактусами и колючками, сыпучими песками и ветром. В городе растут апельсиновые деревья, апельсины валяются прямо под ногами, и это все – в апреле! После долгой питерской зимы мне было нелегко адаптироваться в новом незнакомом климате (я никогда не путешествовала по пустыням), в Аризоне в апреле уже свирепствует жара под шестьдесят градусов по Цельсию, а по Фаренгейту градусник показывает все сто двадцать.

План моего пребывания американские полицейские составили довольно жестко, ни минуты отдыха. Тренировки, стрельбы, занятия в классах, совместная работа по задержанию преступников. Если учесть, что с английским языком я не дружу с детства, мне пришлось тяжело, со мной постоянно присутствовала переводчица, иногда ей надоедало переводить, и она оставляла меня в полном погружении в англоязычной среде. Дескать, разговаривай руками и ногами. Ее слова звучали, как приказ. Без комментариев. А приказ не обсуждается.

Что касается Лены-переводчицы, то когда-то ее увезли в Америку, она стала настоящей американкой, но ностальгия не отпускала ее, и она часто задумывалась, вспоминая покинутую не по своей воле родину.

Сначала я с раздражением поглядывая на спокойную и невозмутимую переводчицу, потом успокоилась и погрузилась в новую обстановку, забыв о палящем солнце, отсутствии языковых данных и прочей лабуде. Мент всегда поймет мента! Это аксиома. Ментам всего мира вообще не нужно знать никаких иностранных языков. Полицейские всех стран понимают друг друга с полупапека, с первого взгляда. Эта профессия не нуждается в переводчиках. И я бегала по полигону, влетала в американские притоны наравне с зарубежными коллегами, забывая о своей переводчице.

Американские мужчины так же, как и русские, не лишены некоторого садизма по отношению к женщинам. Это я поняла, когда рано утром они отвезли нас с Леной на стрельбище в пустыню. Набросали кучу автоматов прямо посередине полигона и предложили устроить состязание: дескать, кто лучше стреляет, американские мужчины-полицейские или русская женщина-милиционер. Переводчица побледнела и спросила меня:

– Ты умеешь стрелять из этих автоматов?

– Ни разу в руках не держала. Это какая-то новая конструкция, я даже названия не знаю, – пробормотала я, несколько смущенная сложившейся ситуацией.

После моих слов Лена ушла под навес, скрываясь от палящего солнца и заодно от предстоящего позора. Она открыла мою сумочку, достала мои сигареты и нервно закурила. Когда я увидела курящую переводчицу, я поняла, что мои дела плохи: Лена вообще не курит, в Америке немодно заниматься саморазрушением.

Я умею стрелять из отечественных пистолетов (Макаров, ПСМ и Стечкин), несколько раз на стрельбище доставался мне Калашников. Естественно, из американских автоматов мне не приходилось стрелять, а что такое стрелять из неопробованного оружия, знают лишь специалисты. Обстановка осложнялось тем, что передо мной красовались мишени, изображающие преступника с жертвой, и жертва при этом почти полностью закрывала преступника.

«Если я попаду в жертву, изображенную на мишени, то опозорюсь!» Впрочем, внешне я ничем не проявляла своего внутреннего беспокойства.

Я выбрала самый маленький автомат и, приладив его к плечу, прицелилась. Американцы весело засмеялись за спиной. Солнце нещадно палило над моей головой, но меня бил холодный озноб, ледяной пот заливал лоб и щеки.

Я еще раз оглянулась на переводчицу, угрюмо кутившую в гордом одиночестве, Лена сидела спиной к происходящему, ее не интересовали мои стрелковые приготовления. Итак, помощи ждать неоткуда, надо расправляться с мишенями. Вскинув автомат и на всякий случай закрыв оба глаза, я при-

нялась палить по мишеням. Очевидно, мой воинственный вид устрасил веселых американцев, потому что, начав стрелять, я уже ничего не слышала, ни смеха за спиной, ни голосов.

Расстреляв все патроны, я опустила автомат и медленно направилась к мишеням вместе с группой коллег-полисменов, пропустив их вперед в надежде, что позор, грозивший опуститься на мою голову, пройдет многоступенчатую пирамиду: сначала посмеются заокеанские коллеги, затем подключусь я, чтобы поддержать общее веселье. Сделаю вид, что мне не бывает страшно, дескать, ничего не боюсь, ни позора, ни славы. Я искоса взглянула на мишени.

Все пули ушли в шею, голову и грудь преступника! На всех мишенях! Изображения жертв остались в целости и сохранности! На них – ни единой дырочки! Я улыбнулась, скрывая за улыбкой нахлынувшее счастье, и бросилась под навес к переводчице. Выхватила из ее рук сигарету и выбросила в урну. Лена улыбалась. Она была счастлива, как никогда в жизни.

Я до сих пор не знаю, какой мне бог помог; русский, татарский или советский. Думаю, что это был простой ментовский бог – дескать, знай наших!

А может быть, в трудную минуту к человеку ниспосылаются небесные силы, помогающие выдержать испытание. Но я не опозорила питерскую милицию, страну и главное, не опозорилась сама. Я поглядывала на американских полицей-

ских и надменно улыбалась. Мне захотелось еще пострелять, но я сдержала свои эмоции. Боялась промахнуться. У меня остались фотографии, запечатлевшие столь знаменательное событие. Иногда я их рассматриваю.

Вот такая история приключилась со мной однажды в Америке...

Санкт-Петербург, Россия, февраль 2007 года

Русская рулетка

Как хочется сказать, слегка прикрывая ленивый зевок: «Это было недавно, это было давно...»

Удивительная история приключилась со мной в Америке. Ах, Америка, страна удачи, я люблю ее с детства. Она всегда казалась мне недостижимой мечтой. Я родилась и выросла во времена «железного занавеса», когда все «закордонное» казалось заманчивым и увлекательным. Но судьба благосклонна ко мне. Она подарила мне мою мечту, принесла страну удачи прямо на блюдечке. В течение многих лет я свободно посещала различные штаты самой богатой страны в мире, выбирая города и провинции по своему вкусу.

Однажды мне довелось побывать в Лас-Вегасе. Я приехала в этот порочный город по полицейскому обмену. Когда самолет вылетал из России, в Петербурге был промозглый, сырой и зябкий апрель, все три удовольствия сразу. А в Неваде плюс шестьдесят по Цельсию, а уж по Фаренгейту совсем зашкаливало за черту разумных пределов. Кругом пустыня, пески и кактусы. Прозрачная вода Колорадо. В реке наливаются жиром тучная рыба, сверху она напоминает откормленных поросят. На улицах апельсины бочками и россыпью. Золотой край. Если бы не знала, то ни за что не догадалась, что неподалеку проходят испытания ядерного и всякого другого оружия. Отсюда же взлетают космические корабли.

Но Лас-Вегасу явно наплевать на разные катаклизмы. Огромный город переливается разноцветными огнями, кругом реклама, реклама и еще раз реклама. Взгляд постоянно натывается на обнаженные женские торсы, груди и задницы. И повсюду казино-казино-казино. И еще раз казино. До поездки я видела бегущий по полю шарик лишь в кинематографе, и знала, что сумма всех чисел в рулетке равняется апокаптическому 666. И до жжения в затылке мне хотелось потрогать апокалипсис за ощутимые места, но увы... Весь жаркий, пылающий солнцем день мне пришлось работать с полицейскими Лас-Вегаса. Я работала в группе отдела по борьбе с наркотиками. Мы выезжали на происшествия и задержания. День выдался трудный. Я на равных трудилась в группе по отлову мексиканских преступников. Поздно вечером злоумышленников задержали, изъяли у них наркотики и оружие. Двое мексиканцев оказались беспаспортными. Кстати, наркотики у преступников обнаружила именно я благодаря моему натаस्कанным российскому чутью.

Когда рабочий день закончился, полицейские в довольно вежливой форме предложили мне развлечься. Я всегда страдала богатым воображением. И оно срочно нарисовало мне жуткую картинку. Полицейские Лас-Вегаса ведут меня в притон, заставляют изобразить стриптиз, а я не умею. Позор! Но американцы лишь предложили мне поиграть в рулетку.

Я перепугалась до смерти. Сначала побледнела, затем покраснела, чуть позже покрылась испариной. Да как это мож-

но предлагать мне западные пороки? На десерт, что ли? Ведь я – российский офицер, хотя и в юбке. Точнее, в шортах. Желтого цвета. Да и денег у меня с собой не было. В тот период российские милиционеры получали – если в долларах – семьдесят пять в месяц. А взятки мне почему-то не давали. За годы службы даже ни разу не предложили. Видимо, физиономией не вышла.

Стою я под палящим вечерним зноем и леденею от ужаса. В Лас-Вегасе знойно до глубокой ночи. А сама готова в обморок упасть, ну, как я скажу американским коллегам, что у меня нет денег на игру в рулетку. Никак до апокалипсиса не добраться. Не с чем потому что... Но полисмены похихикали, сбросились прямо при мне и собрали целых сто долларов. Мне за эти деньги на родине полтора месяца нужно было работать.

Отвезли меня в отель, снарядили мне охрану из двух бойцов на всякий случай, как бы чего не случилось, и я засела за игру. Вокруг декольтированные дамы, галантные джентльмены, смокинги, бабочки, варьете, бокалы с шампанским. А я в шортах, несчастная, в потном кулаке зажата коллективная стодолларовая купюра. Для начала разменяла десять долларов. Рулетка со свистом проехала мимо моего гнезда. Число оказалось несчастливым. И тогда я выбрала себе однорукого бандита и присела на высокий стул. Охрана стояла неподалеку. Начальник полицейского участка строго-настрого приказала не спускать с меня глаз, видимо, боялся

международного скандала.

Жетоны с грохотом скатывались на дно металлического ящика, оглушающе звенели, но все они сыпались мимо моего кармана. Пришлось разменять еще десятку. Дрожащей рукой я сжала плотно упакованные тубики с жетонами и вновь попыталась поймать удачу за хвост. Мне принесли шампанского – видимо, за счет заведения. Хозяин казино уже знал, что у него в гостях русская полицейская. Но и шампанское мне не помогло. Я спустила в дьявольскую бездну еще один американский червонец.

И в этот момент меня настигло мое пролетарское прошлое. Накрыло с головой. Не апокалипсис, вовсе нет, именно рабоче-крестьянское происхождение меня доконало. Мне вдруг стало стыдно. Моя чистая душа бурно запротестовала. Всю жизнь меня воспитывали в строгих канонах: дескать, сгнивший дотла Запад любит заманивать в свои сети неокрепшие души. Я чуть не свалилась со стула, как в пропасть, но удержалась, подошла к западным коллегам и на ломаном английском попросила проводить меня в номер. Что они благополучно и с удовольствием исполнили, ведь срок дежурства давно истек.

С тех пор я не пытаю удачу за игорным столом. И меня не пробирает до костей карточный азарт. Мне наплевать на апокалипсис. Наверное, в самый ответственный момент перед выигрышем меня всегда будет обуревать стыдливое чувство забытого советского прошлого. Именно поэтому я ни-

когда не играю в рулетку. И не тянет. Зачем тратить деньги попусту?

Санкт-Петербург, Россия, 22 июня 2007 года

Выхода нет

Пегая старушка, высохшая за долгую жизнь до состояния сморщенного яблока, воровато озираясь, вышла из ветхого домика и быстро-быстро засеменила по заросшей тропинке, держа в руках грязный клеенчатый пакет. Ноша явно была не по силам ей, пакет вырывался из слабых рук, бился по ногам, болтался в разные стороны и тянул старушку к земле. С трудом переведя дыхание, она остановилась, закрыла за собой калитку и замерла, словно раздумывая, куда бы повернуть свои стопы.

На дороге никого не было, лишь неопрятная собака явно «дворянского» происхождения, валявшаяся в канаве неподалеку, брезгливо потянула мокрым носом, приняхиваясь к дурному запаху, доносившемуся из пакета, но не вынесла, тоскливо заскулила и, вскочив, резво затрусила вдоль дороги. Старушка презрительно сплюнула ей вслед и злобно прошипела что-то неразборчивое из серии «раньше у нас был порядок, а теперь что?». Вопрос вопросов застыл в воздухе. И не было на него никакого ответа. Последний свидетель исчез.

Когда собачий силуэт растаял в боковой улочке, старуха высоко подпрыгнула, по-бойцовски взмахнула рукой и забросила пакет с мусором на соседний садовый участок. В этот миг она казалась со стороны и самой себе юной и бес-

страшной разведчицей, швыряющей гранату в железнодорожный состав, битком набитый вражеским элементом.

Старушке не давал покоя ухоженный сад с юными и тонкими яблоньками, появившийся по соседству совсем недавно. Новый, только что отстроенный дом был надежно укрыт от посторонних взглядов крепким забором с узкими просветами. Сквозь них можно было разглядеть много любопытного: ровно подстриженный газон сиял изумрудной зеленью, повсюду цвели цветы, лениво и важно вздувался гамак, словно бы приглашая прилечь на него любого желающего. За забором пышным цветом расцветала другая жизнь. И не то чтобы бабку снедала зависть... Нет, она не завидовала, ей было хорошо в своем ветхом домике, но с недавних пор местная администрация обязала всех жителей поселка платить за вывоз мусора. А где денег на все набраться? Тут на жизнь не хватает, а им еще за мусор плати! Хорошо, сосед богатый завелся, у него денег много, вон каким забором укрылся от народа.

Бабка притопнула ногой, обутой в стоптанный башмак, ей хотелось сплясать комарийского, настолько она была довольна собой, но еще не знала, что за ней наблюдает чей-то пылливый взгляд, пусть и затянутый застарелой хмельной пленкой.

– Трофимовна, ты чегой-то тут делаешь?

Вопрос донесся словно из небытия (а точнее – из-за спины), застав старуху врасплох, в один миг превращая ее из

юной партизанки в старую развалину. Она нервно засуетилась, замельтешила, приобретая привычный обветшалый вид, словно на нее нечаянно плеснули соляной кислотой. И даже зашипела от ярости.

– Ааашшш, тебе какое дело?

И было от чего суетиться и шипеть, ведь ее застукали на месте преступления. В поселке разговоры пойдут, то да се, участковый уполномоченный по прозвищу «Гришка-рыжий» заставит объяснительную писать, зачем, дескать, свой старушечий мусор швыряешь на соседние участки? Не любит он копаться в склочных «кастрюлькиных» делах, ой, как не любит, да и живет участковый далеко, ведь на целых пять деревень поставлен властью, чтобы следить, как люди закон соблюдают.

– А скажи мне, Трофимовна, откуда мусору у тебя столько взялось, неуж разбогатела?

Следующий вопрос довел воинственную бабку до белого каления. Она набросилась на свидетеля преступления – невысокого сухоощавого мужичка с кулаками, но он ловко увернулся от костлявых тумачков, хотя и выглядел изрядно пьяненьким.

– Ты иди, давай, иди, своей дорогой!

Совсем разъярилась бабка, все наскакивала на мужичка, норовя ущипнуть его за плечо, но он подпрыгивал на одной ноге, а второй ловко вытанцовывал сложные пируэты, пытаясь удержать равновесие. Ему не терпелось промочить пере-

сохшее горло.

— А и пойду, чего мне с тобой стоять да лясы точить, только ты мне подкинь маленько на бедность из закровов-то своих, а то я малость занедужил. — Мужичок хитро ухмыльнулся и кивнул на узорчатый забор, дескать, все видел, знаю, и уже взял на заметочку.

Старуха громко охнула, опустила руки по швам и застыла, как солдат на посту.

— Да, Трофимовна, за удовольствие платить надо, ведь как бы до народа не дошло, что ты тут хулиганишь. — Он потер пальцы друг о друга, будто бы счищая пыль с подушечек.

— Иди ты, черт пьяный, вишь, занедужил он, проклятый, — буркнула бабка, продолжая стоять в позе часового.

— Не скупись, Трофимовна, а то я сейчас на весь поселок заору, люди сбегутся, узнают, чем ты тут занимаешься, и донесут участковому, — не унимался мужичок, явно издеваясь над убогой старостью.

Бабка жалобно всхлипнула, соглашаясь. Донесут. Они такие. С них станется. Сразу позвонят Гришке-рыжему. И тогда поминай, как звали, праздничное довольствие от муниципального совета ко Дню победы. А в нем пакет крупы, две пачки чаю да банка растворимого кофе. В последний раз на «Нескафе» не поскупились. А оно на дороге не валяется. Последний довод оказался самым решающим.

— Держи, гад ползучий, — она сунула в заскоружные руки пьяницы мятый полтинник.

– Ты, Трофимовна, совсем оборзела! – взвился «ползучий гад». – Еще обзываешься. Я и сам тебя обозвать могу. Скрыга старая.

– А я не старая! – подбоченилась Трофимовна. – С чего это я старая?

– Молодая, что ли? – не вполне галантно возразил вымогатель. – Совсем из ума выжила, лучше гони еще сто рублей. Глядишь, мне на «Путинку» хватит. Опохмелиться надо бы. Со вчерашнего голова горит.

И он с укором посверлил тусклым взглядом неугомонную старушку, а она в ответ сверкнула ему почти девичьим взором.

Все всколыхнулось в ее путаной душе. Любитель «Путинки» напомнил ей былые времена, давно прошедшие, когда еще зимы были настоящими, а солнце светило ярче, чем нынче. Совместная жизнь у них не удалась. Оба давно жили бобылями. Когда-то он любил Трофимовну за ее напористость и непримиримость, а сейчас ему хотелось постоять вместе с бывшей возлюбленной рядом еще некоторое время, ведь своим присутствием она дарила ему ощущение былой полноты жизни. Но в нем свербело жестокое похмелье, ноги дрожали от нестерпимой ломоты, а внутренний жар стал еще нестерпимее.

– Чтоб она у тебя с концами сгорела, – угрюмо пожелала Трофимовна, нехотя гася свет в глазах, также нехотя присоединила еще одну купюру, затем смачно выругалась и яще-

рицей юркнула за калитку, бормоча по пути что-то бессвязное, беспрерывно сплевывая, видимо, давая себе зарок, что больше никогда и ни под каким предлогом не забросит мусор за соседскую ограду.

Ведь у «гада» не только глазки смотрящие, у него и глотка луженая. От этих глазок не спрячешься, они везде высмотрят, где что плохо лежит, а на его глотку никаких денег не напасешься, а пенсия у Трофимовны всего три тысячи рублей, не разбежишься.

И вновь наступило июльское прохладное утро, вкусно пахнущее свежестью, каким оно бывает в пригороде в середине лета после ночного дождя.

И непримиримая Трофимовна вновь вышла на тропу войны. Не совладала с собой, нарушила клятву. А из-за угла за ней наблюдал зоркий глаз бывшего сожителя. Он прочищал похмельную сухотку глухим надсадным кашлем и подрагивал от нетерпения, желая быстрее припасть к живительно-му родничку под названием «Путинка». Ему не понаслышке был знаком боевой характер Трофимовны. Так и будет она каждый день свой мусор за чужой забор кидать. Гришка-участковый поймает бабку за руку, наругает ее, и даже протокол составит для отвода глаз, так она другой забор найдет. Мусора у Трофимовны много. Своего не будет, на улице подберет. И так по кругу. До бесконечности. Выхода нет...

Санкт-Петербург, Россия, июль 2009 года

Новогод

Перед Новогодьем всегда бывает немного грустно. Еще один год миновал, а каким будет следующий – неизвестно. В разгар разыгравшейся печали позвонила подруга:

– Слушай, мне надоело, что ты живешь одна!

Вот это заявление! Ей-то какое дело до моего одиночества? Но ссориться с подругой себе дороже. У женщин обиды растягиваются на годы, нечто что-то вроде войны Алой и Белой Роз.

– А что ты предлагаешь? – спросила я вполне индифферентным тоном.

– Предлагаю вот что: в Новый год я возьму у мужа машину, он все равно уснет в половине первого ночи, и мы поедем ловить тебе жениха.

– Зачем его ловить, он, что, бабочка? Я имею в виду жениха, – уточнила я после затянувшейся паузы.

– Нет, конечно, зачем тебе жених-бабочка, просто я прикинула, что в новогоднюю ночь на улицах не будет такси. Кто-нибудь выйдет из дома, чтобы поехать куда-нибудь в компанию, и тут-то мы его и подловим.

Телефонная трубка растекалась красноречием наподобие медовой лужицы. Подруга у меня классная. У меня, вообще, все классное – жизнь, работа, карьера, одежда, квартира. И подруга в том числе. Только с женихами закавыка получает-

ся.

– Он что, дурак что ли, ехать с нами? Он же собирался куда-нибудь в компанию.

Надежда, что мы избежим ссоры, пока еще не покинула меня.

– Так мы же его подвезем, а по дороге соблазнять будем, улыбаться, хохотать... – не унималась подруга.

Кажется, она завелась, как двигатель в «Запоре», а слово «хохотать» произнесла сардоническим тоном, в эту минуту она походила на Раневскую ранней молодости.

– Лично я хохотать отказываюсь.

Ага. Нашла дуру. Пусть сама хохочет по ночам.

– Я уже с мужем договорилась, он мне машину доверил, а она для него дороже всего. Никому ее не доверяет. Так что, поздно пить боржоми. Мы едем!

Трубка смачно чвакнула и заткнулась. Господи, за что мне такое наказание?

Но впереди мне светила горькая одинокая новогодняя ночь: я за столом и президент в телевизоре. Тоска смертная. Пришлось выбираться из дома 31 декабря.

Подруга задорно улыбалась. Ей мерещились женихи в пиджаках от Кардена, вылетающие из теплых квартир на мороз в новогоднюю ночь.

Мы сели в машину и стали ждать. Где-то оглушительно взрывались петарды, на разные лады звучала музыка, вразнобой слышался хор дурных женских голосов.

– Поедем домой, а? – жалобно заныла я. – Мне надоело ловить женихов. Не хочу. Мне нравится жить одной.

Подруга была неумолима. Она была настроена больше чем решительно.

– Какая ты капризная! жить одной – это неприлично. Успешная женщина вроде тебя должна быть замужем. Любой мужчина будет счастлив рядом с тобой.

Все это проговаривалось безапелляционным тоном, не терпящим возражений. Я не возражала. Хотя были некоторые сомнения по поводу совместного счастья.

Вдруг подруга истошно закричала:

– Вот он, вот он, вот он!

– Кто он? Черт, что ли? – испугалась я. – Не кричи ты так, у меня уши заложило. Не забывай, что я одинокая, привыкла к тишине.

– Да не черт, а ладан, вон сидит твой жених и смотрит на нас, хорошенький, тепленький...

Подруга даже взвизгнула от удовольствия, словно это она замуж собиралась при живом муже.

– Хочешь сказать – чуть тепленький? – Я внимательно вглядывалась в темноту.

На заснеженной скамейке и впрямь сидел объект пристального наблюдения. Ничего себе мужичок, такой ладненький, симпатичный, но это сквозь затуманенное окно, вблизи, наверное, ничего хорошего – пьянь среднего пошиба.

– Какая разница, он давно сидит, скоро протрезвеет, – рассердилась подруга и скомандовала: – Подкрась губы, а то у тебя весь макияж смазался.

– Это на нервной почве, – кивнула я, доставая пудреницу и помаду.

Но покрашенные губы еще долго оставались невостребованными. Мужичок пялился на нас, но оставался без движения.

– Может, он окочурился на морозе? – наконец прервала я томительное молчание.

– Ничего не окочурился, смотри, он закурил! – Подруга разглядела в темноте тлеющую звездочку сигареты.

– Поехали к тебе, – предложила я, – посидим, прекрасно проведем время.

– Поздно! – Подруга посмотрела на часы. – Муж спит уже семь с половиной минут. Будить бесполезно. До пяти утра не проснется. У него режим. Смотри, он к нам идет!

Меня затормошили, тыча кулачком в окно. И впрямь к машине направлялся субъект со скамейки. Подруга принялась открывать окно, но что-то там заклинило, и мужичок приложил физиономию к стеклу. Мне стало дурно. Так дурно, что я возненавидела все новогодние праздники, как прошлые, так и будущие. В мужичке я опознала своего коллегу по работе.

Окно, наконец, открылось.

– Галь, привет!

Мужичок сунулся в окно и, минуя подругу, протянул мне руку. Я сердито отвернулась.

— А вы что, знакомы? — спросила подруга, делая круглые глаза. При этом она не поленилась слегка скосить их в сторону, что означало демонстрацию процесса кокетства.

— Да уж... — вздохнула я.

— Галь, ты что, не рада? — изумился мужичок. — А я давно наблюдаю за вами, думаю, куда это вы собрались. Девчонки, все равно без дела сидите, пошли ко мне, от меня жена сбежала.

Я отрицательно замотала головой. Никуда не пойду. Ни за что! В коллективе коллега прославился тем, что всю жизнь занимается поисками жены. Она от него постоянно убегает, а он ее ловит.

— Идем! — Подруга повернулась ко мне и увидела в моих глазах ужас.

— Галь, идем, ты же знаешь, Катя скоро явится. У нее обиды быстро проходят. Она думает, что я пропаду без нее, придет домой, а я с двумя барышнями веселюсь. Она же праздничный стол готовила, не я, представляешь, каково ей будет?

Я представила. Подруга тоже. Мы задумались. Потом, не сговариваясь, согласились. В разгар веселья явилась жена коллеги. Она мигом исправилась и подключилась к нашему застолью.

С тех пор она не убегает от мужа. Боится, что он приведет полный дом разных женщин. А жениха я до сих пор не пой-

мала. Но в этом году мы снова поедem искать – не жениха, так приключений!

Санкт-Петербург, Россия, 14 декабря 2009 года

Секреты Агеевны, или как отвадить от дома разлучницу

Женский палец с острым лакированным коготком нерешительно замер перед дверным звонком, пребывая в глубокой задумчивости. Тонкая рука нервно вздрагивала. Миловидная блондинка неопределенного возраста то приближала палец к кнопке, то испуганно отдергивала. Вдруг там за дверью притаилась опасность, страшно...

Так и не нажав на кнопку, женщина в бежевой юбке модного фасона «тюльпан» опустила руку и судорожно всхлипнула. Опять неудача! Слишком долго собиралась, наконец, набралась смелости, пришла... а позвонить боязно. Она вытащила из сумочки газету и внимательно прочитала короткое объявление: «Агеевна снимет порчу, сглаз, присуху, отвадит от дома разлучницу, нивелирует приворот». Больше всего привлекало в объявлении особенное слово «нивелирует», казавшееся каким-то странным, случайно забредшим на страницы рекламной газетенки, но именно оно первым бросалось в глаза читателю. В любом деле требуется креатив, у продвинутой колдуньи должно быть нет отбоя от клиентов.

Блондинка сердито взмахнула газетой, словно решив отбиться от кого-то неведомого, но в разгар битвы с виртуальным врагом дверь распахнулась. Еще не старушка, но уже не женщина в пестром широком платье пытливо воззрилась на

газету, затем на напуганную обладательницу наманикюренных пальцев.

– Ты чего под дверью ошиваешься? – спросила она басом.

– Я?.. А что, нельзя? По объявлению... у вас тут присуха, приворот, вот... – запинаясь, бормотала заплаканная посетительница.

– Проходи! – скомандовала еще-не-старушка и вышла на площадку, видимо, для того, чтобы визитерша не сбежала. Они зашли в квартиру друг за дружкой, как привязанные, хозяйка была замыкающей.

– Проходи, не бойся, я не кусаюсь. – Жесткий бас немного помягчел, словно изнутри его подогревали на электроплитке.

В неопрятной квартире пахло затхлым бельем, выношенной одеждой и старческой неопрятностью. Газета, скомканная в тугой рулон, шумно скользнула на пол, видимо, от избытка чувств.

– Вы Агг-ее-вна?

У посетительницы дрожало все: поджилки, желудок, голос, колени, пальцы и прочие части тела, как внутренние, так и внешние.

– Да Агеевна я, Агеевна, – миролюбиво поддакнул бас, в тон ему тонко взвизгнули стеклянные висюльки на люстре, через некоторое время что-то пискнуло из кухни. Все в этой квартире ходило ходуном, но в разные стороны, не сообщаясь друг с другом, как если бы однажды отменили все распи-

сания и поезда вдруг стали ходить самостоятельно. Кто куда захочет, тот туда и едет. И неважно, в какую сторону.

– Милочка, я ведь и гадаю, и приворот снимаю, и разлучниц отваживаю, будь они неладны, но, учти, это денег стоит... А ты пятьсот рубликов-то приготовила? – Агеевна посмотрела на блондинку тяжелым взглядом, со страху той показалось, что еще-не-старуха не просто посмотрела – дробью выстрелила. Женщина молча кивнула, дескать, да, принесла кое-что в клювике.

Агеевна заметно подобрела. В комнате вкусно пахло деньгами.

– Садись, рассказывай, чо случилось у тебя, милочка. – Хозяйка подвинула расшатанный стул, нервная гостья покосилась на замызганное сиденье, перевела взгляд на свои блестящие лайкровые ноги в колготках, и осторожно присела на краешек, будто боялась свариться заживо.

– Да не знаю, как сказать... вроде ничего не случилось, все хорошо у меня...

Несмотря на оптимистичное утверждение, клиентка заметно пригорюнилась.

– С мужем что? Или как? – Агеевна грозно сдвинула брови.

– Или как, – согласилась женщина.

Она осторожно подобрала газету с полу и принялась медленными движениями разглаживать мятые страницы. Ее лоб покрылся испариной, женщина боялась даже взглянуть на

хозяйку, сидящая напротив Агеевна казалась ей настоящей ведьмой. Со сдвинутыми бровями и неразбавленными густым басом старая кикимора будто нарочно прячется в полумраке, временами густо басит, сопит и хмурится. Ведьма, что ни на есть ведьма, без прикрас.

– Да брось ты эту дрянь! – строго приказала старая ведьма. – Говори быстрее, а то мне в магазин надо. Некогда тут с тобой возиться!

Алые ноготки послушно скомкали газету, хотели бросить ее на пол, но передумали, осторожно положили на край стола.

– К моему мужу подруга повадилась... – Женщина запнулась.

– Домой ходит, что ли? – подзадорила ее гадалка. Она притопывала ногой от нетерпения. Голод – не тетка.

– Нет, не домой, на дачу, она в этом же поселке снимает комнату, весь день мается от безделья, делать-то ей нечего, она одинокая, ни денег, ни участка, и вот повадилась, каждый день к нам приходит, и сидит, и сидит, и сидит. – Алые ногти выбивали на столе барабанную дробь. Обе стучали в такт: одна ногой, вторая – ногтями, и вдруг осознали, что стучат одновременно, как два барабана, недоуменно переглянулись и замерли.

– Да ты успокойся, успокойся, – приказным тоном велела Агеевна, – тебя звать-то как?

– Аллой... Алла я, – жалобно всхлипнула обладательница

экстравагантного маникюра.

– Аллочка, все поправим, все снимем, отвадим, нивелируем!

От необычного слова посетительницу снова передернуло. Ведьма брезгливо покосилась на нее, но промолчала, лишь подергала крючковатым носом, будто поторапливала: дескать, выкладывай все «по чесноку», как есть, так и говори.

– Мы случайно оказались соседями по даче, она его сослуживица, – всхлипывала Алла, – бывшая... они раньше вместе работали, а теперь ходит и ходит. Спасу нет. Каждый день является, без выходных. То есть, по выходным как раз и приходит, мы же все на даче...

Женщина уставилась в потолок, удерживая в глазах слезы, тяжелые, блестящие, выстраданные, издали они напоминали спелые виноградины.

– А ты что? – рявкнула Агеевна, и от тяжелых трубных звуков старческого баса две слезы-виноградины обрушились на стол, растекаясь по корявой клеенке мокрой лужицей.

– А я ничего... сижу в комнате, плачу, аппетита никакого, жить не хочется, а они о чем-то разговаривают. Я один раз подслушала, но ничего не поняла. Все одно и то же талдычат. Она ему, а он ей. И смеются. А я вот слезами обливаюсь.

Кровавые ногти напряглись, неловко зацепили клеенку и потянули вниз, но Агеевна вовремя перехватила ее, поправила и сказала, тайком взглядывая на часы:

– Вижу, что обливаешься, вижу.

Обе вновь замолчали, в тишине слышались глухие всхлипы посетительницы, кряхтенье грудной клетки еще-не-старушки и тонкое повизгивание стекла в допотопной люстре.

– Красивая хоть? – скривилась Агеевна, ее словно стошнило от чужой воображаемой красоты, но блондинка пожала плечами: мол, так себе. Ни то ни се. Ни рыба ни мясо. Красоты кот наплакал.

– А что говорит? Над чем смеются-то? – Она собралась с силами и надела на себя роль бойкой следовательницы прокуратуры. Словно шалью укуталась. Теперь Анна Ковальчук и Елена Яковлева могут спать спокойно.

– Что говорит? Да ерунду всякую, вроде «держись от начальства подальше, к кухне поближе», в общем, муть одна. А мужу нравится, как она смеется.

– Значит, красоты мало, а покушать любит, это хорошо, ты, милочка, вот что сделай...

Агеевна наклонилась к женщине и что-то тихо прошептала. Сначала у клиентки вспыхнуло маковым цветом одно ухо, затем второе, после загорелись лицо и брови, а когда она слилась целиком в один тон с ногтями, то раздался громкий крик:

– И это всеeee!

– Все, а ты чего ждала?

Хозяйка сердито расправила клеенку, она явно злилась на блондинку: «Недаром все хают их за глупость». В желудке

давно извивался голодный червяк, Агеевна с нетерпением ждала заработанных денег, чтобы быстрее добраться до магазина, но несчастная Алла не спешила с расчетами. Непунятая жена пыталась справиться с шоком: сначала она вытаращила глаза от удивления, затем похватила ртом воздух, подергалась, в завершение всех манипуляций схватила газету и звонко шлепнула ею по столу.

– А где все эти кресты, магия и свечи? Где ваша обещанная ворожба? Гдееее?

В квартире черной вороной заметался женский истошный крик. Агеевна поморщилась. Еще одна скандалистка попала. С такой греха не оберешься. Начнешь с нее требовать свой законный заработок, она тут же в налоговую поскачет кляузничать.

– Какие тебе свечи? Иди уже, иди с богом, – с плохо прикрытой грустью произнесла ворожейка, елозя заскорузлой ладонью по грязной клеенке. Заветные деньги уплыли в неизвестном направлении, видимо, нужные фарватеры затопило. Никак до магазина не добраться. Придется ждать следующую дурочку. Тяжелый это бизнес – гадание на кофейной гуще.

– И пойду! Нечего мне здесь делать! – Блондинка стремительно бросилась к дверям.

– Постой, а где деньги-то? Мне же в магазин надо! – завопила Агеевна, переходя с обычного баса на бас-профундо. Она понапрасну надеялась получить честно заработан-

ный гонорар и понапрасну торопилась, спешка была излишней. В магазин идти не с чем. Алые коготки отказались оплачивать оказанную услугу.

— Какие еще деньги? За что платить? Я и без вас обойдусь, мой муж любит меня! — донеслось из прихожей, затем яростно гроыхнула входная дверь. И сразу все стихло, только стекляшки на люстре еще долго позванивали, будто прощались со странной визитершей навсегда.

Предпоследнее воскресенье июля выдалось солнечным и жарким. «Еще утро, а такая жара! Сейчас эта дрянь припрется, господи, и когда мои мучения закончатся?» — Алла глядела на прихорашивающегося мужа, гоняя злобные мысли по кругу, они прыгали и скакали, как теннисные шарики по корту.

Она проснулась рано и принялась мучительно искать выход из создавшейся семейной ситуации, но ничего не придумала, и от безысходности совсем измучилась, даже мигрень себе нажила. Но муж ничего не знал о тайных мучениях супруги, он тщательно брился, упирая изнутри языком намыленную щеку. «Как на любовное свидание собирается. Когда ее не было, не брился по утрам. Что мне делать, что?..» В этих мучениях было что-то сладкое и гнойное одновременно. Алла явно наслаждалась процессом: можно жалеть себя, несчастную страдалицу, столько, сколько душе пожелается... но вот беда, никто об этом не догадывается. Даже родной муж. Но он давно стал неродным. Его приручила подру-

га Галя.

– Эй, ты что, уснула? – Голос мужа вывел ее из ступора.

– Чего тебе? – сердито буркнула она, разглядывая алые ногти на руках. Все в ней было ярким и пестрым, но муж не замечал красочных пятен. Сказал-замолчал. Не ответил-не обратил внимания. Надоело. Семейная рутина заела обоих, но они редко ругались, все больше отмалчивались. Тоска смертная, и когда все это кончится?

– Сегодня к нам Галя придет, приготовь что-нибудь вкусненькое, ты же умеешь, – подсластил горькую пилюлю муж, заканчивая утомительное бритье.

– Умею-умею, – фыркнула Алла.

– Вот и приготовься, она уже выехала из города, приедет голодная, ты же знаешь, что Галя живет одна, без семьи, – последние слова муж бросил из-за двери, и вскоре послышался стук топора.

«Хочет свеженьким быть перед подругой, вместо утренней зарядки дрова пошел колоть. Дружба с Галей держит его в форме. А кто виноват в том, что у нее нет семьи? Я здесь при чем?» И вдруг Аллино лицо засветилось. «Что говорила Агеевна? Кажется, есть выход, надо провести эксперимент по методу старой мошенницы, вдруг получится? Надо хоть что-то делать, чем слезы ведрами лить». Ей казалось, что она прыгает в пропасть, но с парашютом. А если не раскроется? Тогда семейной жизни наступит конец. Вместо Аллы в доме станет хозяйничать подруга Галя.

Незаметно утро переросло в знойный полдень. Алла торчала на кухне, голодная Галя болталась на участке, шутливо отнимая у Аллиного мужа топор и рукавицы.

– Гена, хватит глупостями заниматься, не переходи в первобытное состояние, ты же цивилизованный человек, – доносилось в открытое окно. В кухне было жарко, как в доменной печи. Алла переворачивая на раскаленной жаровне злобно шипящие и плюющиеся жиром бараньи котлеты и поглядывала в окно на «сладкую парочку». От ярости – или от жары темнело в глазах. «Милуются и меня не стесняются. Убила бы обоих, разом, одним ударом!»

– Галя, я не могу бездельничать, за домом нужно следить! – Гена громко рассмеялся, разгоряченный притворной борьбой. Алла едва не задохнулась от гнева, глядя на все это безобразие. Муж и Галя стояли рядом и о чем-то тихо шептались. «Мне не вынести этого! Что из того, что они не любовники, все равно это издевательство надо мной... Крупные и ледяные от нестерпимой злобы слезы ручьем полились на огненные котлеты. «Ничего, пусть, зато обед будет вкуснее!». Пока готовилось субботнее пиршество, Алла наплакалась вволю.

Обеденный стол поставили во дворе. Целую неделю стояли роскошные погоды, позволяя дачникам чревоугодничать на воздухе. Клещи и комары притихли, наверное, задремали: говорят, в жару на них сон нападает. Стол убивал наповал своим великолепием: томатный суп с зеленью, котлеты,

ледяной квас, кислый морс из прошлогодней клюквы, свежее сало, нарезанное тонюсенькими ломтиками; огромная головка чеснока с фиолетовыми прожилками, его выдернули утром, еще на росе; трепещущая на легком ветру петрушка, благоухающие кустики укропа, а под ними безвольно развалился красавец-шпинат, и на десерт пироги с зеленым луком и яйцами. Все вместе издавало приятный аромат обжорства и лени; сидеть бы за этим столом, полным вкусной снеди, до скончания следующего века, чтобы не задумываться о кризисе в частности и исторических катаклизмах в целом, и лишь бы не вспоминать о работе. В такие минуты хочется обнять все человечество.

– ...Хочется обнять все человечество, – с набитым ртом произнес Гена, жадно поглощая румяные пирожки.

«Ест, будто семечки: один-другой-третий-четвертый...» Алла уже сбилась со счета, хотя исподтишка зорко наблюдала за вражьим станом. Блюдо опустело, и хозяйка быстро подкинула новую порцию. Только бы не проглядеть удобный момент! Ни минуты передышки.

– Эти с капустой, – будто невзначай сообщила она. Теннисные шарики в голове прыгали в разные стороны: «Я семью спасаю, меня бог простит. Этой карьеристке Гале мой дурак-муж не нужен, она же от скуки наши пороги обивает, а он и рад, сплунтяй несчастный! Лишь бы чужая юбка была под боком. У него всегда наготове оправдание, дескать, у нас с Галей нет ничего такого, за что ты могла бы меня

упрекнуть. А мне просто обидно! Почему он со мной слова не скажет, никогда не улыбнется, только ухмыляется, а с ней и смеется, и чепуху городит, и весь светится от счастья. Я устрою им счастье! Они меня надолго запомнят!»

Алла наготовила целую гору угощения и теперь затягивала кольцо осады. Она спасала свою семью, так как больше всего на свете боялась, что Гена ее бросит. Муж был обычным, как у всех, ничего экстраординарного, но когда он разменял пятый десяток, почему-то сразу изменился, став настолько привлекательным, что все женщины на улице оборачивались, замороженные обаянием зрелого мужчины. А кто помогал ему преодолеть кризис среднего возраста? Разумеется, жена. И ладно бы, если рядом с Геной крутилась молоденькая, а то ведь нашел себе под стать, Галья тоже из возрастных дамочек, но выглядит... Хорошо выглядит, чего уж там. Старается женщина, из последних сил выбивается, но держит себя в узде.

Тонкая и изящная Галя, измученная в долгих и продолжительных боях за стройную фигуру, явно маялась и изнывала, борясь со слюной и горячим желанием проглотить все и разом, но ничего не ела, жеманничала. Короче говоря, держалась достойно, как партизан на допросе. Алла решила ударить по тонкой талии разлучницы очередным секретом Агевны. Пушки заряжены, артиллеристы наготове, огонь, плии!

– Гена, а ты почему чесночок не ешь? Ты же его так лю-

бишь, – проворковала заботливая хозяйка, подвигая между тем Гале тарелку с салом. – И ты, Галочка, попробуй. Хорошее сало, поросенок был молоденький, я сама солила, ломтики тоненькие. Возьми кусочек, он тоненький, аж светится, о-о-о-о, как вкуснооооо!

И вечная диетчица Галя сломалась, не выдержав испытания (да и кто в состоянии вынести эту пытку салом, вряд ли есть такой человек на белом свете), положила на язык кусочек прозрачного нежно-розового лакомства и немного пососала, проверяя на вкус, затем ее рука невольно потянулась ко второму, третьему – и понеслось. Артиллеристы окончательно выбились из сил, устав бить по врагу. Можно немного передохнуть. «Понравилось сало, ишь, как лопают, сейчас вместе с тарелкой умнет», – злорадно усмехнулась про себя Алла, ставя рядом с Галей еще одну тарелку, но побольше. Вроде как запасной вариант.

Затем на столе появилось жаркое, бефстроганов и много-много всяких других яств. И все это великолепие искрило, пылало и сочилось! Гена и Галя с аппетитом уписывали огненную баранину, заливая пожар в желудках ледяным квасом.

– Ешь-ешь, Галь, не стесняйся, – уговаривал Гена свою изголодавшую от разнообразных диет боевую подругу.

– Дорогие мои, одинокая женщина – не бездомная кошечка, хватит меня кормить! – взмолилась боевая подруга, изрядно посоловевшая от обильной трапезы, но ее никто не

слышал.

– Галочка, а вот еще пирожки... Генусичек, смотри, что я припасла! – Алла вытащила из сумки-холодильника на свет божий запотевшую бутылку «беленькой». Какой мужчина устоит против заветной «путинки»!

– Господи, я не верю своему счастью! В кои-то веки жена мне предлагает выпить! – обрадовался Гена. – Давай сюда рюмки. Галя, а ты что будешь?

– Вина чуть-чуть, – снова принялась жеманничать Галя.

«Воображуля, ломака, сама налопалась от пуза сала с чесноком, бараниной залакировала, потом догналась пирожками, и надо же, сидит, придуливает, вина ей подавай!» Алла хоть и злорадствовала, но у нее стало полегче на душе. Она с удовлетворением отметила, что Галин жантильный животик от обильной еды налился спелым арбузом. Генино отвисшее пузо мало волновало жену. «Пусть трескает все, что хочет и сколько в него влезет, я позже выколочу из него весь жир».

День незаметно перевалил за вторую половину, близился вечер. Застолье продолжалось. Алла еле стояла на ногах, но ее мысли-скакуны летели в одном направлении, не раздражаясь по сторонам: «Агеевна все правильно насоветовала, дескать, прикормить надо разлучницу, упоить ее, ублажить, чтобы юбка у нее по швам полезла. Отличная бабка Агеевна, зря я на нее наехала, зря! Хоть научила меня уму-разуму».

Так и повелось отныне: Алла – у плиты, Галя с Геной – за столом.

– Алла, ну присядь на минутку, с нами интересно, – умоляла Галя, хватаясь за Аллин фартук.

«Ишь, как запела, дескать, интересно с нами, а вот шиш тебе, мне нельзя с вами рассиживаться, Агеевна велела, чтобы я с ног сбилась вас ублажая, вот я и ношусь, как умалишенная», – мысленно свирепствовала Алла, нежными движениями высвобождая фартук из Галиных рук, а вслух продолжала гнуть свою линию:

– Ешьте-ешьте, а ты, Генусик, рюмки-то освежай! – И спешила к плите.

Вся кухня была заставлена кастрюлями, сковородами, латочками, жаровнями и противнями. Повсюду высились горы продуктов. Алла завела на даче два холодильника (лишь бы отвадить соперницу), которые громко урчали и кряхтели, замораживая и сохраняя продукты впрок.

К середине августа муж с подругой заметно округлились. Оба лениво сидели в шезлонгах и вяло переговаривались. Ушли в никуда разговоры о философии и литературе, закончились стихи, сошли на нет дискуссии и споры. Недоколотые дрова безнадежно валялись у ворот, прохожие сельчане тихонько прихватывали по полешку «на ход ноги», не догадываясь, что за ними зорко следит хозяйкин взгляд. «Всех достану, гады проклятые, все дрова обратно принесете, а этих красавцев, как свиней откормлю!» – вихрем проносилось в Аллиной голове, когда она с подносами выбегала на летнюю веранду.

Незаметно прошло лето. Потихоньку стали накрапывать дожди, обещая, что совсем скоро начнутся затяжные, осенние. В конце августа безнадежно растолстевшая Галя бесследно исчезла. Она не звонила, сотовый не отвечал. Гена продолжал обжираться в одиночку. Алла уже подумывала, как бы поубавить ему рацион: «А то еще заболит, диабет какой-нибудь подхватит, возись с ним потом. Экий боров жирный! Пора переводить его в другой режим».

– Ген, а почему к нам Галя перестала ездить? – сказала Алла, подливая водку в опустевшую рюмку.

– А она домик себе купила, в Карташевской, совсем недорого, и кредит не понадобился, – сообщил муж и вновь погрузился в поглощение пищи.

Алла внутренне возликовала и тут же вылила водку обратно в бутылку. «Все жалобилась, что средств у нее нет, дескать, одинокая, на жизнь не хватает... сразу денежки нашлись. Все, кончились мои мучения. Полный каюк разлучнице! Пусть диетничает в своей Карташевской».

– Хватит пить, иди-ка с дровами разберись, вон они, до сих пор у дороги валяются. Люди половину уже по домам разнесли, – ее голос звучал сухо и неприязненно, глаза заострились, как концы у лыжных палок. Гена встрепенулся, посмотрел на жену...

Он поднялся, послушно сходил в сарай, взял топор, и вскоре из-за забора раздался методичный стук. «Агеевна была права, напрасно я ей тогда денег пожалела, старушка,

голодает, наверное», – деловито размышляла Алла, убирая стол с веранды. Кастрюли и сковороды надолго залегли на дно кухонного шкафа. Оставшиеся продукты Алла спрятала в морозилку, отключила второй холодильник и легла в гамак.

– Ген, а здесь есть почта? – крикнула она, лениво приподняв голову.

Муж тупо и методично стучал топором по суковатому пню. Тот не поддавался.

– Есть, – наконец отозвался он.

– Вот вам адрес, вот деньги, отправьте срочный перевод! – Алла протянула в окошечко старую газету с адресом и деньги.

– А кому отправить? – спросила девушка из «окошечка», растерянно теребя пятисотенную купюру.

– Как это кому? Агеевне, кому же еще...

С умиротворенным сердцем возвращалась Алла на дачный участок. Отвадила-отвадила-отвадила. Спасла семью. Спасибо Агеевне, научила уму-разуму. Старуха рекомендовала кормить и поить подругу Галю до отвала, чтобы у разлучницы брюхо выросло. Хорошо, что послушалась старуху, в итоге разлучница вместе с брюхом отвалила по другую сторону от железной дороги. Нам с боевыми подругами не по пути!

Женщина-победительница шла по улице, размахивая натруженными руками с алыми ногтями. Издалека казалось, что руки у нее в крови.

Санкт-Петербург-Карташевская, 22 июля 2009 года

Странная свадьба

Она взяла его лицо в полукольцо ладоней. Они стояли на лестнице, женщина – на ступеньку выше. У нее утонченное лицо, подчеркнутое легким макияжем, завитки волос на щеках, высокие скулы овеяны ароматом любви. Бежевые перчатки до локтей, платье кофе с молоком, высокая прическа. Он высокий, сутулится, слегка смущен.

На парадной лестнице Дворца бракосочетаний сегодня много народу. Все-таки сочетаться браком удобнее в выходной день. Несколько свадеб выходит одновременно из трех дверей. Организаторы точны в действиях, толпы гостей и приглашенных проходят строго по расписанию: пока одна свадьба направляется по лестнице, вторая уже скрывается за высокими дверями, а третья скромно ожидает окончания церемонии предыдущей, выглядывая десятками глаз из-за полуоткрытых дверей. Юные пары раскованны и открыты чувствам, на возбужденных лицах пляшет радость: наконец-то они обрели законные права друг на друга. Гости спешат за молодыми, стараясь соблюсти необходимую для этих случаев торжественность.

А двое на лестнице застыли на ступеньках, ничего не замечая вокруг, будто невзначай переместились в другое измерение, где никого рядом нет, только они, ведь мир существует для влюбленных, а их всегда только двое. Рядом ки-

пит предсвадебная сумятица, но они выше суеты. Все происходящее в зоне действия плавно обтекает мужчину и женщину, изо всех сил пытающихся задержать в вечности сладкое мгновение.

Она все еще держит его лицо в полукольце своих ладоней. Фотограф суетливо поправляет ей прядь волос, чтобы сделать удачный снимок, но она не обращает внимания, будто это не ее касаются чужие пальцы. Словно вокруг никого нет. Дворец пуст. Ни одного живого человека в ближайшем окружении. Только она и он. Он и она. Руки в длинных перчатках, сложенные в изящный замок, нежно и крепко удерживают краткий миг.

Они смотрят друг на друга испытующими взглядами, будто спрашивают самих себя: правы ли они, вступив на одну коловую дорожку наравне с юными и наивными, ведь любое начинающее поколение всегда остается юным и невинным, несмотря на неуклюжую «продвинутость».

Она без слов спрашивает его, застыв в ожидании ответа, а он словно прислушивается к себе, ведь в ней он не сомневается. И у него сомнений больше нет. Он мысленно говорит ей об этом. Они разговаривают глазами. Когда-то они уже проходили все это. У них были свадьбы и поцелуи, радость на лицах и восторги, невинность и наивность, но все это было в прошлом, давным-давно. Они уже забыли об этом, будто все происходило не с ними. Сейчас у них другая свадьба. В красивом дворце, с нарядной лестницей.

Этот дом принадлежал когда-то очень знатному человеку. Никита Всеволодович Всеволожский, хозяин дворца, был другом Пушкина, они вместе служили в Коллегии иностранных дел. Она тоже здесь, неподалеку, через два дома, под номером тридцать четвертым по Английской набережной. В этом доме бывал юный Пушкин. Здесь танцевали и влюблялись, страдали и любили. Под высокими потолками до сих пор витает дух людей из прошлого, они позаботились о будущем, оставив свои нетленные чувства благодарным потомкам в качестве свадебного подарка.

А сейчас во дворце рождается новое чудо. Великая любовь должна скрепиться узами законного брака. Она смотрит ему в глаза, она клянется ему в любви, она благодарит его за любовь, пытаясь без слов сказать всему миру, что, наконец, обрела свою мечту.

– Мама-мама-мама!

Людской шум вдруг заглушает звонкий детский голосок. К паре, застывшей перед объективом фотографа на парадной лестнице Дворца бракосочетаний на Английской набережной, бежит маленькая девочка. Свадебные церемонии вежливо расступаются, а девочка ловко скользит между ног гостей, нетерпеливо отталкивая руки взрослых, спешащих поймать бегунью. Дама в бежевых перчатках словно нехотя отняла руки от лица избранника. Детский голос вернул невесту в привычное измерение.

– Лелька, зачем ты сбежала от няни? – спросила дама,

опускаясь на колени перед девочкой.

— Мама-мама-мама, я потерялась, хорошо, что я тебя нашла! — воскликнула девочка и крепко прижалась к матери, обнимая ее за шею.

— Леля, не шуми, — сказал жених, поправляя галстук. Мужчина явно смущен, он никак не освоится в непривычной обстановке. Слишком много народу, много гостей, чересчур торжественная обстановка. Хорошо, что взяли на церемонию маленькую дочь.

— Пора-пора! — хором загалдели распорядители, подталкивая жениха с невестой к дверям.

Оттуда уже выглядывают гости, которые успели пройти в зал раньше. Жених с невестой торжественно вошли в распахнутые двери, держа дочь за руки. Ее присутствие придало свадебной процедуре естественности, превращая формальную церемонию в акт высокого торжества любви. Гости умиленно взирают на необычную семью: не часто во Дворце бракосочетаний можно встретить молодоженов средних лет. Фотографы защелкали камерами, норовя отработать заказ, частые вспышки солнечными бликами заплесали по стенам и лицам гостей и приглашенных. Девочка присмирела, с любопытством озираясь по сторонам. Когда торжественная часть была окончена и гости бросились с поздравлениями, новобрачная сказала, обращаясь ко всем:

— Все, что я делала, делаю, и буду делать, все ради нее, из-за нее, для нее! Это смысл моей жизни, моя любовь и моя

мечта. Все в ней, она – моя жизнь и судьба! – Она подняла дочку на руки, демонстрируя миру материализовавшуюся мечту.

И снова легкий шум волнами перекатился по нарядным стенам зала бракосочетаний. Слова, произнесенные красавицей, отозвались в каждом присутствующем, легким эхом прокатились по стенам, пробежались по потолку и повисли в хрустальных фигурках многоярусной люстры, чтобы быстрее освоиться и поселиться в этом доме навеки. Теперь они останутся здесь жить, а потом, после свадьбы, еще долго будут бродить по залам и коридорам роскошного особняка гулками отголосками.

Закончив работу, фотограф устало прислонился к стене. За много лет он нащелкал километры пленки, стремясь зафиксировать в вечности волшебный миг зарождения новой семьи. Иногда ему казалось, что перед его глазами и камерой прошли миллионы женихов и невест, но эту пару он не мог сравнить ни с какой другой. Таких больше не было и никогда не будет. И какая прелестная у них девочка! Он поймал на себе взгляд ребенка: девочка внимательно смотрела на него, словно пыталась подсказать ему разгадку. Фотограф улыбнулся ей и вскинул на плечо тяжелую камеру. У девочки проницательные глаза, совсем как у взрослой, нужно сделать еще один снимок. Скоро выставка в Манеже, может, эта малышка принесет ему долгожданный успех?

Санкт-Петербург, Россия, 11 июля, 2010 год

Дежавю без криминала

«Мне сорок лет. Позади одни руины. Да что там руины, за моей спиной сплошная атомная помойка. Как не крути, жизнь не сложилась. Ничего у меня нет, ни семьи, ни карьеры. А впереди светит скудная пенсия да одинокая старость...» Примерно с такими мыслями я распахнула дверь кабинета. Валера Петров – мой верный товарищ и напарник в одном лице – в угрюмом одиночестве коротал остаток трудного оперативного дня. Это только в сериалах показывают, какая у оперов романтически насыщенная и безумно увлекательная жизнь, а в действительности все обстоит совершенно иначе, сплошная рутина на фоне однообразно-серых будней. Кражи, грабежи, разбои, убийства давно превратились для нас в монотонную череду чрезвычайных происшествий. Будь они неладны, эти чрезвычайные происшествия. Если между ними случаются долгие перерывы, что бывает крайне редко, всегда кажется, что скоро случится что-нибудь и впрямь страшное и небывалое. Какая-нибудь свержхвселенская бойня с богиней Иштар во главе.

Пусть уж лучше все идет своим чередом, постоянно и без перерывов, а то безделье тоску нагоняет. Видимо, по этой причине Петров сегодня затосковал, не может без работы, бедный. «Нам хлеба не надо, работы давай!» – его любимый слоган. Рабская психология, что и говорить. «Одержимый

холопским недугом» даже не поздоровался со мной, а мог бы кивнуть в знак приветствия. Я все-таки дама, хоть и с пи- столетом.

Я скосила глаза на стол, как раз в то место, куда несчаст- ный и угрюмый Петров, подперев рукой щеку, грустно тара- щился. Ну конечно, напарник с упорством семинариста изу- чал утреннюю сводку.

— Где болталась? — не поднимая головы, поинтересовался Валера. «Здороваться не собирается, — мысленно констати- ровала я, — главное, не повестись на грубость. Все мужчины, в сущности, хамы». Мы вместе уже полгода, для оператив- ника средней руки полгода — это целая жизнь, для нас работа давно стала выше брака. На этой грустной ноте я укрылась в своем девичьем закутке.

— Валерик, отчего такое уныние? — крикнула я, предвари- тельно включив чайник. Ради покоя в доме буду делать вид, что ничего не случилось.

— У тебя на территории труп, а ты где-то болтаешься, — буркнул Валера и затих.

— Я не болтаюсь, я летаю, — крикнула я из своего укрытия.

— На помеле?

— Угу, я его в дежурке оставила, чтобы тебя не расстраи- вать... — Я деланно засмеялась, чтобы разрядить обстановку, и, плеснув кипяток в чашку, добавила: — А что за труп-то? Лежалый, наверное?

— Не лежалый, а женский, а тебе какой нужен? Мужской,

что ли? – не унимался Петров.

Вполне симпатичный парень, добродушный, отзывчивый, надежный, но его окончательно и бесповоротно заел быт. Неработающая жена, двое детишек, дачный участок шесть соток – все это хозяйство Валера содержит на скромную оперативную зарплату. Содержать сложно, жена и дети постоянно просят кушать, а дача непрерывно требует дополнительных вливаний в виде досок и цемента. Характер моего напарника претерпевает изменения в прямой зависимости от денежных поступлений. В день получки он просто прелесть, а дальше его благодушное настроение заметно портится, причем с каждым днем все сильнее, все заметней. «До получки еще два дня, он же меня заживо съест! А еще говорят, что в органах нет дискриминации, как же нет, людоедство сплошное». Поморщившись, я решила внести ясность:

– Мне лично никакой не нужен: ни мужской, ни женский, у меня и так полно работы. Вон все ноги сносила, а толку нет, день прошел вхолостую. Никакого кэпэдэ.

Определенно, отвратительное Валерино настроение передается воздушно-капельным путем.

– Кэпэдэ-кэпэдэ, – раздраженно передразнил меня Петров. – Только что шеф заходил, про тебя спрашивал, кстати, грозился навешать за отсутствие оного.

«Кэпэдэ» – проще говоря, коэффициент полезного действия, этим словом шеф обозначает плановые показатели. Есть раскрытие – есть план, нет раскрытия, далее по смыслу.

– Не злись, Валер... – вежливо перебила я обозленного напарника, – мне самой тошно. Вот пусть шеф сам займется женским трупом. Раз у меня полное наличие всякого отсутствия кэпэдэ.

Моя тирада окончательно разозлила Петрова.

– Вот что ты сказала? Что, а? Абракадабру какую-то!..

– А ты на меня голос не повышай, дома на жену ори, хоть заорись, – ледяным тоном посоветовала я, с трудом сдерживая гнев.

В кабинете повисла тяжелая и черная пауза. За полгода паузы у нас бывали всякими, но непременно цветными. Особенно мне нравились ярко-красные, лучистые, но сегодня пауза имела черно-квадратную окраску. Тяжко!

Я подошла к Петрову и выдернула из-под его руки сводку, пробежала глазами текст и швырнула распечатку обратно на стол.

– Так это какой труп? Она совсем не труп. Тетка умерла у себя дома, самой доброй смертью, какая бывает на свете! – Я смотрела на Петрова с нескрываемой ненавистью. – В присутствии законного мужа, между прочим. Да и не молоденькая она уже. Пора и на покой! Судя по сводке, муж покойной вел себя прилично, жену не бил, не топил ее в ванне, не рубил топором и не травил ядом. Что ты ко мне прицепился, Петров, с этим твоим женским трупом? Мне и без вас с трупом работы хватает. Я еле на ногах стою. Скоро в обморок упаду. И не ори на меня, у меня тоже деньги закончились.

А есть хочется!

Петров медленно приподнялся над столом. У меня похолодело внутри. Перед получкой с напарником лучше не связываться. Нельзя напоминать о безденежье. Все намеки и разговоры о пустом кармане действуют на него как красная тряпка на разъяренного быка.

– Между прочим, муж покойной женат в восьмой раз. И все его жены умирают в его присутствии, оставляя ему свои квартиры вкупе с мебелью в безвозмездное, как ты понимаешь, пользование, – провозгласил Петров, грозно нависая над столом.

– Откуда ты знаешь? – невинным тоном поинтересовалась я, с трудом унимая бушующие эмоции.

– Шеф сказал.

– Ну ладно, раз шеф сказал, давай сходим, поговорим с мужем, раз ты на этом настаиваешь, только не злись, – выдавила я из себя вполне миролюбивым тоном.

Петров кивнул, неразборчиво пробормотал что-то вроде: «сходим-сходим» и плюхнулся на стул. Наступила сиреневая тишина. Этот цвет означал у нас примирение, пусть временное, зато на душе спокойнее стало. Я позвенела пустыми баночками из-под сахара, перетрясла пакеты, скопившиеся в ящиках стола, но ничего съестного в них не обнаружила.

– Валер, я сбегая в следствие, одолжу денег, а ты выходи через двадцать минут, вместе сходим к безутешному вдовцу, потом я в магазин сбегая, у нас же шаром покати, –

сказала я, выглянув из-за закутка.

Он кивнул в ответ. Я накинула куртку и выскочила за дверь. Мне уже сорок лет, но я давно разучилась ходить. Я все время куда-то бегу. Иногда хочется остановиться и подумать. О чем? Хотя бы о незадавшемся замужестве, но... Мне некогда думать о себе. Что там о себе, о судьбах человечества нет времени задуматься! Вот почему люди изо дня в день время стремятся друг друга убить? Хотят извести один другого чем угодно – словом, делом, руками и разными тупыми и острыми предметами... Живут вместе, улыбаются друг другу, спят на одной кровати, а я потом трупы оформляй.

В следствии на меня посмотрели слегка брезгливо, хотя зарплаты у нас одинаковые, они почему-то богаче оперов, денег у них всегда больше, чем у нас, им до зарплаты хватает, а нам нет. Отчего бы это? Но я не додумала важную мысль о явном несоответствии зарплат сотрудников одного ведомства и снова перешла на несостоявшуюся семейную жизнь. Мысли у меня обычно сбиваются на личные рельсы в преддверии зарплаты, дескать, была бы замужем, муж бы прокормил, ведь я ем, как птичка и так далее, но мысли о замужестве пришлось отбросить.

Заметно похолодало. Мороз сухо потрескивал, пытаюсь пролезть за ворот тонкого свитера. Петров, ты где? Обманул, а ведь он ни разу еще не подвел меня. Надежный, как кусок железа. Я покрутилась возле табачного киоска, но курить расхотелось, наверное, от злости, отошла подальше от

соблазна и посмотрела на часы. Валера опаздывал на полчаса. Ждать больше не было смысла. Я снова подошла к киоску, надеясь растянуть время, вдруг противный Петров все-таки нарисуеться, но на горизонте было чисто и морозно – ни облачка, ни Валеры. «Наверное, он нарочно все подстроил. Разумеется, нарочно!»

Я прокрутила в голове наш разговор. «Да он и не собирался подстраховывать меня, ему надо было выполнить поручение шефа, что он и сделал с честью. За дуру меня держат. Все мужчины одинаковы. Придется одной идти». И вдруг что-то зануло внутри, как будто все происходящее когда-то уже было со мной. Я так же мерзла, стоя у табачного киоска, так же сухо потрескивал мороз, залезая за ворот свитера, мне так же было страшно и одиноко. Даже свитер был тот же самый, что сейчас на мне. Дежавю! А Валера обманул. Так и не пришел на встречу.

Я набрала номер, но женский голос посоветовал мне позвонить немного позже. Петрову отключили телефон за неуплату. Этого и требовалось ожидать. Я встряхнулась, сбрасывая оцепенение, и резво потрусилa в сторону дома, где проливал слезы над покойной супругой безутешный вдовец. Сама себе я напоминала гончую, бегущую по путаному следу. А как же иначе? Сам шеф просил разобраться с тривиальным случаем. Ему нравятся происшествия с эротическим уклоном. Надо же такое придумать! Шеф отправил одинокую женщину распутывать темные тайники души Синеи Бо-

роды. Мне было очень жаль себя. А когда я себя жалею, то мигом забываю, что я оперативник со стажем и ношу пистолет под мышкой уже лет десять. Никто не должен знать, что внутри у меня. А снаружи я вооружена и очень опасна.

Состояние дежавю почему-то не проходило. Когда-то в юности я пошла проверять заявление, но квартира была заперта, пришлось позвонить в соседнюю, чтобы навести справки. Дверь мне открыли, в передней было темно, не задумываясь о последствиях, я влетела в квартиру. В темноте просматривался мужчина невысокого роста, плугавенький, с длинными почти до пола, руками, но я почему-то была не в состоянии затормозить. В юности все делаешь на лету.

Сзади послышался лязг замка. «Кажется, я попала в нехорошую квартиру». Настоящая ловушка. Вдоль коридора тянулись комнаты, все двери огромной коммунальной квартиры на Зверинской улице были широко распахнуты. В комнатах было пусто, только в одной, самой последней, на полу лежал матрас, полосатый, затертый, с кусками вывалившейся ваты. С независимым видом «мне ничего не страшно» я зашла в комнату и присела на колченогий стул, одиноко притулившийся в углу, и быстро-быстро заговорила о чем-то постороннем, стараясь победить в себе страх. Мужчина стал медленно приближаться ко мне, но я вскочила со стула и, плавно обогнув его, ракетой понеслась по коридору, на ходу оглушительно тараторя разную ерунду, лишь бы не выдать свой страх. В кармане куртки мои пальцы нервно сжимали

ригельный ключ от собственной квартиры, им можно было воспользоваться вместо заточки. Как только он дотронется до меня, ему не жить. Впотьмах отыскала защелку и цепочку, и лишь на улице поняла, что мужчина умудрился закрыть дверь на цепь.

Я неслась по Петроградке с шумом и свистом, мне казалось, что мужчина из пустой квартиры преследует меня по пятам. Он так же летит вихрем, разметав по сторонам взмокшие от похоти волосики, лишь бы не упустить свою добычу.

Страх прошел лишь тогда, когда я влетела в дежурную часть. Свалилась на стул возле дежурного и горько заплакала. Та история закончилась для меня благополучно, если не считать насмешек и колкостей коллег, но я больше не ходила проверять заявления в одиночку. Да что вспоминать прошлое! Ведь тогда я была юной девочкой, только что нацепившей погоны лейтенанта милиции, а сейчас я почти полковник, меня уважают коллеги, боятся преступники, а пустой страх внутри себя я давно уничтожила. Даже старости не боюсь. Но сегодня состояние дежавю почему-то не проходило. Наверное, от будущей встречи с Синей Бородой.

Я позвонила в домофон. В нем что-то шелкнуло, зазвенело, дверь тонко запищала, мне открыли без вопросов. Может, где-нибудь спряталась видеокамера? Я повертела головой, но никаких посторонних предметов наверху не обнаружила. Козырек, крыльцо, повсюду иней и наледь.

На улице подморозило, зато в подъезде было тепло и сухо,

в старых петербургских домах иногда бывает вполне уютно. Я посмотрела в пролет лестницы, третий этаж отлично просматривался. В подъезде ни души. Я неслышно поднялась по лестнице. Дверь в квартиру оказалась открытой. Опять подкралось знакомое нытье давно забытого страха. Проклятое дежавю, но деваться некуда, отступить от намеченных планов не в моих правилах. Я вспомнила угрюмую физиономию Петрова и смело шагнула через порог. Там было темно, как в преисподней. Ни звука, ни шороха. В мозгу вспыхивали обрывки забытой сказки про старого женоненавистника, но я старалась отогнать от себя ненужные мысли. Не до того теперь, нужно быстро разобраться, в чем дело и вернуться в отдел, там много работы, гора бумаг, заявлений и нерассмотренных материалов.

И вдруг воссиял свет. Он вспыхнул неожиданно, я даже зажмурилась. Мне показалось, что я взошла на эшафот, вокруг толпа любопытных, а рядом притаился палач. Прошло несколько секунд, я рискнула приоткрыть глаза. Никакой Синей бороды в прихожей не наблюдалось. В дверях стоял мужчина, чуть выше среднего, с кривоватой полуулыбкой и очень симпатичный. Слегка небрит, небрежно одет, в уголках губ застыла надменность, но не явная, а так, для порядка, дескать, вы мне мешаете, в чем дело? Мужчина внимательно разглядывал меня и молчал. Пауза затянулась, из чего я сделала вывод, что он не заговорит первым. Придется начинать мне.

– Вы кто? – хрипло выдавила я.

– А вы? – довольно вежливо откликнулся он, впрочем, не меняя позы и выражения лица.

– Я? А-а, я... Из милиции. – Пришлось протянуть ему свое удостоверение.

– Вы по поводу смерти моей жены?

С мужчинами такое случается в трудных житейских ситуациях, они застывают, как студни, стараясь сохранить себя изнутри. Хотя, какое у него горе? Восьмая жена по счету коньки отбросила. Привык уже, наверное. Оскомину набил. Я старалась выработать в себе отвращение к мужчине, но, сознаюсь, у меня это плохо получилось. Симпатичный он, даже в глаза посмотреть стыдно. Вдруг он догадается, что понравился мне.

– Да... вот... по поводу... – забормотала я, пытаюсь вытащить из себя хотя бы один корректный вопрос, но внутри меня что-то сломалось. Профессиональный механизм заклинило. В голове вскипала густая каша из старой сказки и дежавю без криминала.

– Моя супруга умерла естественной смертью, есть заключение эксперта, могу предъявить, но, вероятно, вы уже ознакомились с ним? – Он смотрел на меня, безглаголиво оттопырив нижнюю губу.

«Под Майкла Дугласа косит. На женщин такая улыбка действует неотразимо. На меня, кстати, тоже. Совсем дар речи потеряла. Увидел бы меня шеф, убил бы на месте. И был

бы прав. Действую непрофессионально, реагирую на бабников и изращенцев, а все от одиночества». Чего уж там, очень симпатичный вдовец. И на убийцу совсем не похож.

— Чем могу быть полезен? — Мужчина и скрестил руки на груди, отчего приобрел еще более надменный вид. И стал вдвойне привлекательнее. Я чуть сознание не потеряла.

— Лично мне ничем, а вот органам еще пригодится. Объясните, пожалуйста, как так получилось, что вы свели в могилу восемь жен, и все они из одного района, и каждая из умерших завещала вам свое имущество. Между прочим, не хилое имущество. Вы являетесь счастливым обладателем семи квартир в Центральном районе, и как мне кажется, прихватите одну в Адмиралтейском, ту самую, восьмую, в которой мы имеем счастье с вами мило беседовать.

Я говорила резко, отрывистыми фразами, словно бросала в мужчину камни, небольшие, но острые и тяжелые. При этом я успевала заглянуть в распечатку, заготовленную Валерой Петровым, он любит заниматься подготовительным трудом, хлебом его не корми, дай покопаться в личном мусоре подозреваемого.

Мужчина в дверях удивился столь резкому переходу, но стойку держал: руки крест-накрест, глаза в упор, ноги почти на ширине плеч. Я замолчала, весь запал иссяк. После долгой и утомительной паузы мужчина вдруг расхохотался. Самое странное, что по его смеху можно было определить, что он чист. Ну не убивал он своих старушек. Не убивал и все тут!

Но это все эмоции, некогда мне с ним тут возиться. Я набрала в легкие воздуха и добавила, перебивая жизнерадостный смех безутешного вдовца:

– Все ваши жены были значительно старше вас. Каждая умирала в строгой последовательности, соблюдая очередность. Вы работаете по какой-то сложной системе. Объяснитесь, пожалуйста!

Он замолчал, немного подумал и снова рассмеялся. Несчастный вдовец смеялся, как мальчишка. Я давно не видела смеющихся мужчин. На работе и в гражданской жизни все озабочены поисками дензнаков, кругом видишь одни унылые физиономии. Никто никогда не улыбнется, даже глазами, люди давно разучились красиво и сочно смеяться. Мужчина провел ладонью в воздухе, словно стирая с лица веселье – видимо устал от смеха, – и сказал, обращаясь, впрочем, не ко мне, а ко всем женщинам мира:

– Если бы вы видели себя со стороны!

– А что со мной? – Я слегка испугалась. Что это со мной, если посмотреть со стороны? Обычная женщина, на днях сорок лет стукнуло.

– Как только вы заговорили об органах, то мгновенно превратились из мокрой курицы в горную орлицу. Посмотрите в зеркало: глаз горит, изо рта пар, из ушей смола фонтаном. Не женщина – смерч!

Мужчина откровенно издевался надо мной, а у меня не было сил на отпор. Да и в его глазах застыла смертельная

усталость. И еще одно заметила, пока мужчина смеялся, уголки его рта жестоко страдали, несмотря на перемену эмоций. Категорически не переношу мужчин с надменным изгибом губ, мне всегда казалось, что на дне души носителя жесткого взгляда и волевой носогубной складки прячется что-то звериное, то, что мужчина пытается скрыть от нас, женщин. Приятное обхождение, милая улыбка, лишь твердый оскал тонких и капризных губ указывает на притаившуюся опасность. По всем параметрам хозяин квартиры подпадал под расхожий портрет преступника, но я знала, что он ни в чем не виноват, и лично мне он абсолютно не опасен.

– Да будет вам, – Я поморщилась.

Все они упрекают нас в избытке эмоций, но при этом бурно взрываются сами, взрывают других, часто убивая окружающих без нужды и повода. Можно, разумеется, согласиться с социологами, что мужчина перестал быть мужчиной, но я не доверяю социологам. Они смотрят со своей колокольни, я со своей, девичьей.

Мужчина жестом пригласил меня в комнату. Его лицо оставалось беспристрастным, но уголки губ по-прежнему играли в страдание. Хотя причин для страдания у него не было, он прекрасно устроился: шикарная гостиная обставлена в стиле минимализм, повсюду кресла, напоминавшие квадратные тумбы, прямоугольные диваны... Все белоснежное, мягкое, новомодное. Я присела на диван, и тут же потеряла равновесие, мягкая обивка поехала вниз, провалившись по-

чти до пола, мои ноги взлетели вверх, а голова уткнулась в угол. «Лежак ненадежный». Некоторое время я барахталась на дне дивана, злясь на собственную неуклюжесть, наконец, встала и распрямилась. Во мне проснулась злость, та самая настоящая, женская.

– Бросьте ваши штучки, со мной эти номера не пройдут. Именно таким образом вы убили всех ваших жен! – заявила я, абсолютно уверенная в своей правоте. – Придумали разные приспособления, диваны, лежаки, стульчаки. Сядешь на такой и никогда не поднимешься. С такого кресла прямой путь на труповозку. Через сорок минут эксперт констатирует естественную смерть. Признавайтесь по-хорошему! А то я и по-плохому могу...

Я остановилась, задумавшись. Как это «по-плохому»? Не знаю. Не бить его же его, в конце концов. А пистолета он не боится. Это по его ухмылке видно. Ишь, как его разбирает. На лице улыбка застыла, в глазах насмешка, носогубная ехидно изогнулась...

– О-о, нет! Только не это. Я никого не убивал. Поверьте, они умирали сами, – рассмеялся мужчина мне прямо в лицо, приглашая при этом жестом присесть на другой диван, более устойчивый, нежели прежний.

– Но как? Каким образом все эти женщины ушли на тот свет в зрелом, но еще цветущем возрасте? Объясните мне, пожалуйста! И чем быстрее вы это сделаете, тем быстрее я уйду отсюда, – добавила я менее запальчивым тоном.

– Все мои женщины были милыми и интеллигентными, однако есть одно но...

Он замолчал и глубоко задумался, настолько глубоко, что складка на лице стала четкой и пронзительной, словно ее прорубили топором. Во мне забилося нетерпение; не знаю, у кого как это бывает, но в состоянии ожидания все мои эмоции начинают вибрировать. Мужчина молчал, но я знала, что он чувствует мою внутреннюю вибрацию. Он испытывал меня на прочность. Мы молчали, мысленно продолжая диалог. В спешке я забыла, как его имя, а в распечатке, которую всучил мне Петров, были только имена и фамилии покойных жен мужчины.

– Какое такое «но»?

Надоела затянувшаяся пауза. В горле пересохло, хотелось пить, есть, спать и думать о судьбах человечества.

– Мои женщины... как бы это сказать... – Он замялся и вильнул взглядом от моих пытливых глаз.

– Да говорите же! – потребовала я.

– Все мои жены любили секс! – торжественно провозгласил вдовец и посмотрел мне прямо в глаза. Теперь мне пришлось увильнуть в сторону. Разговор не из легких.

– Да кто же его не любит! Тоже мне, Казанова нашелся, – буркнула я, невольно копируя интонацию Валеры Петрова.

– Секс любят все, согласен, – покорно кивнул мужчина, – но мои жены любили непревзойденный секс, изысканный, такой, чтобы дух захватывало.

– Так вы извращенец! – воскликнула я, чувствуя, как меня вновь накрывает состояние дежавю. Да было это уже когда-то, было!

– Нет-нет, что вы, ничего запретного, просто я не люблю обыденность, и мои женщины тоже.

Я усмехнулась: он не обиделся на меня за извращенца, но упрекнул за горячность. Неужели он такой мастер сексуальных дел, что восемь женщин положили на кон имущество и жизнь ради сомнительных удовольствий? И вдруг из глубин памяти всплыл сюжет забытого рассказа. Полицейский комиссар приходит к женщине, у которой один за другим в жесткой последовательности умирают мужья, долго ее пытается, пока она не признается в содеянном. Она их не убивала, она их закармливала до смерти. Готовила так, что мужья обжирались и в результате умирали. В конце рассказа комиссар просит руки безутешной вдовы, так и говорит, дескать, уйду в отставку, мадам, только возьмите меня на кошт. И смерть мне не страшна. Ради хорошей жрачки готов отойти на тот свет. Вот оно, дежавю! Только здесь все немного наоборот. Мужчина предоставлял своим женам небывалый секс, а они оказались физически не готовы к удовольствиям. Теперь по всем законам жанра я должна попроситься к нему в жены. Ни за что! Пусть ищет себе другую охотницу до вольных развлечений. Мне еще жизнь не надоела!

– И напрасно! – сказал мужчина, явно прочитав мои мысли.

– Мне лучше знать, – сухо откликнулась я и помчалась к двери, совсем, как в юности, когда я случайно оказалась в квартире бывшего извращенца.

Петров ждал меня. Тоже садист. Знает, где наследил, теперь вину свою замаливает. Валера где-то добыл денег, наверное, все в том же следствии, и сбегал в магазин. На столике дымились чашки с чаем, стояла вазочка с печеньем. «Даже чашки помыл, хозяйственный ты наш». Я устало села за свой стол. Ничего не хотелось – ни есть, ни пить, ни спать, даже думать о судьбах человечества было лень. Перед глазами стоял образ симпатичного мужчины с надменным изломом губ. Что-то притягательное было в этом образе. Что-то демоническое...

Санкт-Петербург, Россия, 02.01.2011 г.

Золотая трубочка

Курю давно. Сначала курила, следуя модным веяниям, потом увлечение молодости стало вредной привычкой. Капля никотина убивает лошадь, а мне хоть бы что. Но жаба душист. Ведь денег море потрачено. Как-то подсчитала, сколько я выкурила за всю жизнь, получилось много, если опоясать выкуренными сигаретами земной шар, можно больше 15 раз обернуться. Это же стоимость трех «Мерседесов» и одной яхты! Но вредная привычка на то она и вредная – прочно въелась!

В этот Новый год пошла за праздничной едой с тысячей в кошельке, у входа в супермаркет чуть не споткнулась, краем глаза узрев что-то необыкновенное. Подошла поближе. Это же электронные сигареты! Я наслышана об этой чудинке, но мало ли что придумают предприимчивые китайцы. В душе боролись сомнения, я задумчиво вертела в руках красивую эбонитовую палочку, похожую на пахитоску. Табачный продавец, словно списанный со старорежимного коробейника, буквально вцепился в меня, почуяв во мне заинтересованное лицо, дескать, не упускайте возможность, берите, хватайте свою добычу, не прогадаете. Очень выгодно! Бросьте на кон вашу тысячу и дальше никаких трат. Уговорил-таки, соблазнил, я повелась на его уговоры. Вместо праздничной еды обзавелась электронными сигаретами. До полуночи оставалось

время, отправилась на поиски адаптера – обегала всю Сен-ную в поисках более дешевого, обошелся в 280 рублей, зато всю новогоднюю ночь прыгала и скакала перед зеркалом с модной игрушкой. Нарядилась в крепдешиновое платье, надела туфли, вместо шампанского пила морс, а на стол поставила остатки недельного шопинга, чтобы умиловать до-машних богов.

Так началась моя новая жизнь, по всем параметрам, абсолютно безвредная и экономная. Но уже на третий день сигарета дала течь, а потом и вовсе поломалась. Я прибежала к коробейнику, при моем появлении он почему-то жутко обрадовался и убедил меня приобрести дополнительно жидкость и пару коробочек картриджей (один раз по 860 рублей и два раза по 500). Вернулась домой, включила – не работает. Матерно кроя женскую слабость и вредные привычки вместе взятые, я бросилась к жулику-коробейнику, а он только руками развел: мол, помочь ничем не могу, порченный товар не принимаю. И, чтобы избавиться от меня, подсказал, что на втором этаже есть еще одна табачная лавка. Проклинав весь белый свет и тот ясный солнечный летний день, когда впервые закурила, я побежала на второй этаж. В лавке торчали трое парней восточной наружности, они искренне удивились моей просьбе, попытались починить сигарету, но ничего у них не вышло. Тогда парни пообещали принести из дома электронную сигарету, бывшую в употреблении. У меня на душе стало легче, все-таки не надо тратиться лишний

раз.

За «бэушной» ходила в лавку три дня подряд – у восточных было плохо с памятью. Наверное, я изрядно им надоела, но они терпеливо улыбались. Наконец, свершилось. Принесли. Не обманули. Я почти насильно всучила 200 рублей в знак благодарности. Пришла домой, а сигарета не работает, видимо, адаптер не подходит. Я мысленно выругалась и снова поплелась на Сенной рынок. Побродила, подумала и купила привычную марку сигарет. Блок обошелся в 400 рублей, раньше он шел за 300, но с Нового года акцизы на табак высоко взлетели. Я возвращалась домой и плакала, все жалела себя. Мне даже курить расхотелось. И чем больше я плакала, тем больше жалела себя. Потом поменяла местами жалость и слезы, а на улице мороз больше 20 градусов, при такой температуре слезы к щекам примерзают.

Больше всего жалела себя не за слабость и привязанность к вредной привычке, а за тот солнечный летний день, когда я еще была легкомысленной. А потом уже все остальное в ход пошло. Вспомнилась первая любовь неудачная, потом – как экзамен в институте не сдала, пришлось пересдавать, еще один начальник крепко обидел 18 лет назад, и жених женился, не помню сколько лет прошло уже... а на прошлой неделе туфли купила на размер меньше, во всем мире национальные конфликты разгораются, вчера суп пересолила, в общем, все в кучу собрала. Когда к дому подошла, список неприятностей иссяк, а слезы высохли. И вдруг в голове игриво про-

мелькнуло: «Три «Мерседеса» прошляпила, яхта уплыла далеко за горизонт, и замуж так и не вышла, а на электронные сигареты всю зарплату ухнула, что уж тут.... Нечего печалиться! А не закурить ли мне трубочку? Завтра же куплю, и непременно золотую...». На этом сердце успокоилось.

Санкт-Петербург, Россия, 23 февраля 2011 года

Золотой унитаз

У всех людей сантехники как сантехники, пьяненькие такие, чумазные и дерут втридорога, а в моем микрорайоне завелся настоящий аристократ, даже прическа у него под олигарха. Стриженный, в коротеньком полупальто от Кардена, чистенький.

Принимая от него пальто, я незаметно пощупала ткань – дорогая, наверняка от Кардена. Сантехник явился по вызову, чтобы заменить унитаз. Моя квартира сияла, как пасхальное яйцо, ведь у меня только что закончился ремонт. Сантехник долго осматривал старый, ползая на коленях, а когда досконально изучил, произнес уверенным тоном, не принимающим возражений:

– Надо заменить привод.

– Что заменить? – спросила я, мысленно подсчитывая оставшиеся после ремонта деньги. Новый унитаз стоит триста долларов, у меня в кошельке всего двести пятьдесят.

– Привод. У вас же отличный унитаз, он еще сто лет прослужит. – Сантехник взялся за вешалку.

– А сколько стоит этот привод? – Я с силой вцепилась в лацкан модного полупальто.

– Всего семьсот рублей, и это вместе с работой, а новый унитаз вам обойдется в триста баксов! – Сантехник отобрал из моих рук вешалку и ловко влез в свою шикарную одежду.

– Вы какой-то необычный сантехник, – пробормотала я, внутренне ликуя. «Какое счастье! Да мне его сам бог послал, прямоком на мое безденежье».

Божий сантехник пришел через два дня, мигом поменял привод, брезгливо сунул в карман семьсот рублей и ушел. Я очарованно покачала головой, бывает же такое! Но радость была преждевременной. Как только модник-сантехник ушел, унитаз прекратил функционировать. Пришлось звонить сантехнику. Все повторилось, он пришел, снял пальто, долго осматривал унитаз, ползал на коленях. Наконец, поднялся и сказал, снимая с вешалки своего Кардена:

– Надо заменить деталь!

– Может, все-таки новый унитаз купить? – не глядя на него, пробормотала я, раздираемая противоречиями: мне хотелось придушить сантехника, а потом сбегать в хозяйственный за новым унитазом.

– Новый стоит триста баксов, а деталь – всего тысячу пятьсот рублей. Есть разница? – воскликнул сантехник и, не дождавшись моего ответа, помог себе сам. – Есть!

Пришел через два дня, поставил новую деталь. А после визиты к моему унитазу вошли у него в привычку. После вживления очередной детали, напроць вылетала следующая, а несчастный унитаз отказывался работать.

Ужас продолжался до весны следующего года. Я потратила уйму времени и денег, проклиная тот день, когда впервые увидела роскошного сантехника, ведь на деньги, потрачен-

ные на замену деталей, можно было купить два новых фирменных унитаза.

– Зачем вы меня уговорили заменить привод? – со слезами упрекала я сантехника, когда видела его в дверях с какой-нибудь очередной новой загогулиной.

– Во-первых, я вас не уговаривал, я вам рекомендовал. А во-вторых, у вас же было туго с деньгами? – И уже по сложившейся привычке, сам себе отвечал. – Было туго!

Он не хотел меня грабить. Это я точно знаю. Свое шикарное полупальто он заработал, обслуживая богатых, а меня пожалел. Не хотел моего разорения.

До сих я не могу решиться на покупку нового унитаза, жаль вложенных средств, а когда ко мне приходят гости, я предлагаю им экскурсию в туалет, дескать, полюбуйтесь, любезные гости, на редкий экспонат. В моей квартире настоящий золотой унитаз. Всем богачам мира даже во сне не снилась такая экзотика.

Санкт-Петербург, Россия, февраль 2011 года

Крыть нечем

Многовековая борьба за права женщин закончилась полным поражением последних. Прав добились, но радости от победы мало, ведь бывшие кормильцы такую ношу с плеч свалили! Теперь женщинам самим приходится думать о куске хлеба, а вокруг все только дорожает. Тот же набор продуктов стоит уже в два раза больше, чем в предыдущий мес-сяц. А дальше что же будет? И по врачам ходить накладно стало, а зубы так и вовсе в бриллиантовые превратились.

Примерно с такими мыслями я уселась в зубо-врачебное кресло. И хотя процедура предстояла небольшая, все равно муторно на душе было. А тут еще доктор долго возится с бумагами, и что она там пишет? Стихи, наверное... Наконец справилась с бумагами, подсе-ла ко мне, что лечить, дескать, будем? В ответ просится нечто скабрезное, но я молчу, терплю изо всех сил, нельзя же говорить под руку. Боюсь здо-ровью навредить. Как всегда, отвечаю, зубы ремонтируем, но, только, не забудьте, у меня аллергия. Жестокое заболевание! Ах, ах, засмеялась доктор, ох уж эта аллергия. Симпатич-ная такая докторша, веселая, ей-то что, сейчас мне плом-бу поставит, деньги в карман сунет, и за следующего при-мется, там за дверью целый взвод выстроился. А доктор все веселится, видимо, желая меня растормошить, мол, недавно в гостях была, там точно такая же была, тоже с аллергией.

Шестьдесят лет, высокая, дородная, статная. И это я не ем, и это я не пью, а это уберите от меня подальше. Типа вырвет меня сейчас. Мы все прыскаем в кулаки, но виду не подаем. Она еще с часок посидела, поманежилась, и убежала, не прощаясь, а мы только этого и ждали, и выпили и закусили, чем бог послал. В общем, славно погуляли.

Я не сдержалась, повернула перекошенное ожиданием лицо и спросила, мол, вы это к чему рассказываете? Лечите давайте, соловья баснями не кормят, мне на работу бежать надо, денежки зарабатывать. В том числе и на лечение зубов. Я – женщина эмансипированная! На зубы, хлеб и сапоги сама зарабатываю. А доктор, милая такая, симпатичная, только ухмыляется, и явно не спешит мне пасть выворачивать. И все-то про дородную женщину вспоминает, дескать, снова пришла она недавно, что-то в зубе подправить надо было. Прямо не узнать женщину, вся из себя высокая, только вроде еще выше ростом стала, статная, румяная, полна жизни. Спрашиваю ее насчет того и этого, что можно, что нельзя, а она знай рукой машет, никакой такой аллергии нету. Быльем поросла.

– Так что же с ней произошло? – Я невольно заинтересовалась, но еще ежусь от страха, все ерзаю в кресле, никак не могу удобную позу выбрать.

– А она влюбилась! В молодого! – торжествующим тоном произнесла доктор и посмотрела на меня почему-то вызывающе. Это как в подкидного играть: она мне валета, а я ей

немедленно даму, да козырную, хлесть-хлесть, чтобы непременно было.

– Эх ее разобрало, в шестьдесят-то лет! То-то у нее зубы все выпали! – громко выплеснулось из меня, и от возмущения я прямо таки выросла в кресло.

Лечила бы уже скорее, а то время идет, а она мне какие-то шутки шутит. Про великовозрастных дамочек разные ужасы рассказывает. Да они еще и не такое сотворить могут!

– Да, она просто взяла и влюбилась. – Доктор перетирала какие-то блестящие штучки, не торопясь приступать к лечению. – А зубы у нее, между прочим, не выпали, женщина в Египет собралась, решила перед отъездом подправить пломбу.

Сижу в кресле, а внутри прямо всю выворачивает, злобой истекаю, как змея ядом в период сезонной линьки. Я вся такая крутая, молодая и красивая, и вынуждена биться за лучшую долю в одиночку, а хорошие мужики достаются шестидесятилетним теткам.

– О-ох уж эти шестидесятилетние, – притворно вздохнула я, – им бы о душе да о здоровье подумать, а они на свою шею молодых мужиков сажают.

– Ничего на шею она не посадила, – горячо запротестовала доктор, – он военный летчик, всего на десять лет ее моложе, но уже на пенсии. А у военных пенсия большая!

– Да уж... – Я сбросила следом за дамой важного короля (играть – так по-крупному). – Пенсия явно не больше его

аппетита. Всю прожрет, да еще добавки попросит. Не было у бабы заботы, так купила поросю.

– А он еще молодой пенсионер, он вдобавок к пенсии где-то там служит, у него и зарплата имеется.

Доктор сбросила туза прямо под ноги моего короля, видимо, она его в рукаве форменного халата прятала до поры до времени, но я крепкий орешек. Меня просто так не проймешь. Мне факты нужны! У меня еще есть карты в заглазнике. И козырей хватает.

– Значит, сбитою летчику квартира ее понравилась. Свою жене оставит, а жить-то где-то надо, вот он и приткнулся к дородной и статной. Думает, помрет скоро женщина, зачем квартире пустовать. И размер нашел подходящий: чем больше баба, тем сытнее за ее пазухой! – едко хмыкнула я.

Лечить зубы расхотелось. Во мне не на шутку разыгралась вековая женская ненависть к примакам и альфонсам всех фасонов и мастей, а заодно к их великовозрастным нянечкам.

– А он вдовец! У него своя квартира есть!

Перед моим носом лязгнули металлические подставки. Да, это будет покруче моего козырного туза...

– Тогда он оставит свою любимой дочери! Или сыну! – Я едва увернула голову от мелькающих и сверкающих стоматологических предметов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.